Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Владычеством Ришелье Франция была обязана слабоумию Людовика XIII; Мазарини попал во властители государства благодаря сердечной слабости Анны Австрийской…

Людовик XIV не был бы расточителем, если бы не рос на попечении скряги кардинала Мазарини. От скаредности последнего терпел весь двор – от королевы и ее детей до последнего сторожа.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10

Кондратий Петрович Биркин
Анна Австрийская. Кардинал Мазарини. Детство Людовика XIV

Семейство Манчини. – Герцог Бофор. – Ретц-Гонди. – Герцог Эльбеф. – Герцог Буйон. – Принц Конти. – Графиня де Лонгвилль. – Принц Конде (1643–1651)

Вдовствующей королеве Анне Австрийской, назначенной Людовиком XIII правительницей Франции, в год кончины короля исполнилось сорок два года. Трудно было узнать прежнюю красавицу в разжирелой матроне, с одутловатым румяным лицом, крючковатым носом, отвислой нижней губой и двойным подбородком. В нравственном отношении Анна Австрийская точно так же изменилась, как и в физическом. Из прежней страстной мечтательницы, угнетенной мужем-самодуром, она сделалась ворчливой ханжой, которая при удобном случае была не прочь угнетать других; женщина, некогда обожаемая Генрихом Монморанси, потом герцогом Бекингэмом, была теперь любовницей, чуть не рабыней кардинала Мазарини, вместе с королевой прибравшего и всю Францию к рукам. Владычеством Ришелье это королевство было обязано слабоумию Людовика XIII; Мазарини попал во властители государства благодаря сердечной слабости Анны Австрийской… Разница между обоими кардиналами до того огромна, что их невозможно и сравнивать.

Джулио, или Юлий, Мазарини родился в Писшине (Абруцкой области) 14 июля 1602 года. Отец его Пьетро и мать Гортензия Буфалини принадлежали к хорошим дворянским фамилиям. Первоначальное образование Юлий получил в одной из римских семинарий и в юношеских летах продолжал свое учение в Испании, сопровождая туда аббата Иеронима Колонну. Три года молодой Мазарини слушал лекции в Алкале и в Саламанке. Он возвратился в Рим в 1622 году, когда иезуиты намеревались отпраздновать представлением трагедии причисление к лику святых их патрона Игнатия Лойолы. Главная роль была дана Юлию Мазарини, и он сыграл ее с блестящим успехом. Недурной дебют для будущего дипломата! Сценическое дарование юноши обратило на него внимание кардинала Бентиволио, который принял его к себе на службу простым служкою; но, как видно, в этой ничтожной должности Юлий сумел выказать свои дарования. Бентиволио рекомендовал его кардиналу Барберини,

племяннику папы Павла V.

– Препоручая этого молодого человека вашему благосклонному вниманию, – сказал он при этом, – я надеюсь отплатить вашей эминенции за все благодеяния, оказанные мне вашим семейством.

– Благодарю за подарок, – отвечал Барберини. – Имя этого юноши?

– Юлий Мазарини.

– Но если он такой способный и дельный малый, почему же вы не хотите оставить его у себя?

– Я недостоин иметь его у себя в услужении.

– Хорошо, я его беру; но на что же он способен?

– На все, ваша эминенция.

– Прекрасно. На первый же случай мы отправим его в Ломбардию вместе с кардиналом Джинети.

И таким образом Мазарини начал свое дипломатическое поприще. В 1629 году он принимал деятельное и успешное участие в качестве уполномоченного интернунция при дворах Франции с Савойею в Сузе. В 1630 году с дипломатическими поручениями он был в Лионе, где представлялся Людовику XIII. Кардинал Ришелье провел более двух часов в беседе с молодым итальянцем и отозвался о нем, что это единственный государственный человек, которого ему доводилось встретить. Само собой разумеется, что в течение этих двух часов Ришелье успел привлечь Мазарини на свою сторону и приобрел в нем ревностного приспешника интересам Франции. Война с Испанией была тогда в полном разгаре. Мазарини удалось склонить воевавшие стороны к шестинедельному перемирию, а при возобновлении военных действий он имел храбрость выехать верхом между выступившими друг против друга войсками и, невзирая на свистевшие мимо него пули, кричал, махая шляпой: «Мир!!» Маршал Шомберг, видя из условий, предложенных Юлием Мазарини, что выгоднейших невозможно было бы и выговорить даже после самой победы, решился заключить мир, который через два часа был подписан в Кераско. О том, какими глазами смотрели в эту эпоху на Юлия Мазарини европейские дипломаты, читатель может судить по следующему о нем отзыву венецианского посланника Сагредо:

«Ясновельможный синьор Джулио Мазарини обладает приятной наружностью и хорошо сложен; вежлив, ловок, бесстрастен, неутомим, сметлив, прозорлив, скрытен, умеет молчать, точно так же, как и говорить красно и убедительно; не теряется ни при каких обстоятельствах. Одним словом, он одарен всеми качествами, необходимыми искусному дипломату; первый

его дебют на этом поприще обличает мастера своего дела; на театре света он, конечно, займет одну из первых ролей. Судя по его здоровой комплекции, он, если не ошибаюсь, еще долго будет пользоваться готовящимися ему почестями, путь к которым затруднен ограниченным его состоянием».

Пророчество посланника Сагредо сбылось в 1634 году. Ришелье, пригласив Мазарини во Францию, назначил его вице-легатом в Авиньоне. В 1639 году он ездил в Савойю в качестве чрезвычайного посла; наконец 16 декабря 1641 года был наименован кардиналом и 25 февраля следующего года получил шапку из рук короля Людовика XIII. Ришелье на смертном одре указал ему на Мазарини как на благонадежнейшего чиновника, и король, назначив в пособие королеве-правительнице государственный совет под председательством принца Конде, назвал кардинала Мазарини одним из его членов; прочими были: кардинал Сегье, суперинтендант Бутийе и государственный секретарь Шавиньи. Гастон Орлеанский, наименованный главным попечителем дофина, был, однако же, подчинен королеве и государственному совету. Умирающий король особенно не доверял ни ему, ни своей супруге. Когда Шавиньи вздумал оправдывать перед Людовиком XIII Анну Австрийскую от всех взводимых на нее напраслин, король отвечал:

– В моем теперешнем положении я должен ее простить, но верить ей все-таки не могу.

Действительно, он был прав, отзываясь подобным образом о своей супруге. Находясь при последнем издыхании, он убедился в ее коварстве. Двор разделился на две партии: Вандома и ла Мейлльере. Вандом, побочный сын Генриха IV, во времена оны был губернатором Бретани, где вместе со своим братом приором был арестован по делу Шалэ. Кардинал Ришелье назначил губернатором, на место Вандома, маршала де ла Мейлльера. Семейство Вандома протестовало, называя поступок Ришелье противозаконным, произвольным, а сын бывшего губернатора герцог де Бофор заявил, что он тотчас после смерти короля овладеет отцовским местом, хотя бы пришлось прибегнуть к силе. Кроме партий двух претендентов на губернаторство, существовала третья, партия Орлеанского. Анна Австрийская взяла сторону герцога Бофора и, называя его честнейшим человеком во всем королевстве, доверила ему интендантство Нового Замка (Chatean-Neuf), в котором находились король и герцог Анжуйский.[1] Это своевольное распоряжение, еще при жизни короля, возбудило в нем крайнее негодование и навлекло на королеву ненависть принца Конде и герцога Орлеанского… Через два дня Людовик XIII скончался. Из всего его семейства и

всего двора при трупе осталось только три человека для оказания покойному последних услуг: Карл Амедей Савойский, герцог Немур, маршал Витри и маркиз де Сувре. Они присутствовали при вскрытии, омовении, одеванье и положении Людовика XIII на парадный одр. Королева со своими дамами удалилась в старый замок, в котором находились и ее дети. Придворные группировались около герцога Орлеанского, ла Мейлльере и герцога Бофора. Последнему Анна Австрийская поручила попросить к ней герцога Орлеанского. Принц Конде, желавший за ним последовать, был остановлен Бофором.

– Королева могла бы прислать капитана своих телохранителей, а не вас, – заметил обиженный Конде. – Вы и должности никакой не занимаете.

– Я исполнил приказание королевы, – отвечал Бофор, – и во всей Франции нет человека, который осмелился бы запретить мне повиноваться королеве.

Следствием этого столкновения была непримиримая ненависть между принцем Конде и герцогом Бофором.

17 мая парламент признал Анну Австрийскую правительницей, с предоставлением ей совершенной свободы при выборе сотрудников и помощников в великом деле государственного управления. Эта статья парламентского указа низводила всех членов государственного совета, назначенных покойным королем, на степень подчиненных воле Анны Австрийской. Все были уверены, что ни Мазарини, ни Шавиньи не удержатся на своих местах и немедленно будут уволены. Тот и другой обедали у командира де Сувре в самый тот день, когда весь двор полагал, что Мазарини готовился к отбытию в Италию. Когда после обеда хозяин и гости сели за карты, вошел в комнату Беринген, первый камер-лакей королевы. Передав свои карты одному из гостей, Ботрю, кардинал поспешно подошел к посланному и отвел его в сторону.

– Добрая весть! – шепнул Беринген.

– Какая?

– Ее величество неизменно благоволит к вам.

– От кого вы это знаете?

– Я слышал, как господин де Бриенн говорил, будто королева желает назначить вас первым министром.

– Вот как! Что же сказал де Бриенн?

– Он сказал королеве, что если правительству нужен первый министр, то выбор на эту должность вашей эминенции не оставит желать ничего лучшего; что вы и человек опытный в делах, и самый верный подданный ее величества.

– А Бриенн ручался за меня?

– Сказал, что за ваше повышение вы отплатите королеве благодарностью и неизменной преданностью. Государыня выразила только опасение, не связаны ли вы с которой-нибудь из придворных партий.

Мазарини усмехнулся.

– Благодарю вас, господин Беринген, за сообщенные мне сведения. При случае надеюсь достойным образом наградить вас. Камер-лакей медлил уходом.

– Я еще не все сообщил вам, – сказал он нерешительно. – Я пришел к вам не сам от себя…

– От кого же?

– От королевы.

– А, это другое дело. Досказывайте же.

– Разговор с де Бриенном передан мне самой королевой, для сообщения вам. Кроме того, она желает знать: может ли она в случае надобности верно на вас рассчитывать, как на надежную опору?

– Скажите ее величеству, что весь я принадлежу ее интересам. Хотя мне следовало бы обо всем сообщить моему другу Шавиньи, но я сохраню все дело в тайне, как и сама королева…

– Ваша эминенция, не напишете ли вы всего этого сию же минуту?

– Этого нельзя, потому что хозяин и гости могут подумать…

– Долго ли написать карандашом, – сказал Беринген, подавая свою записную книжку и карандаш. Мазарини написал четким своим почерком:

«Иной воли у меня никогда не будет, кроме воли государыни. Теперь же от всего сердца отступаюсь от тех выгод, которые предоставлены мне духовным завещанием короля,[2] полагаясь на беспременную доброту ее величества королевы. Писано собственною моей рукою. Ее величества покорнейший, подданный и признательнейший раб ее Юлий, кардинал Мазарини».

Беринген вручил королеве это обязательство, начертанное кардиналом в его записной книжке; Анна Австрийская отдала ее на сохранение графу де Бриенну. На другой же день Маза-рини был назначен председателем государственного совета. Эта милость и неограниченное доверие королевы к кардиналу пробудили давно умолкнувшие слухи о связи Анны Австрийской с Мазарини, существовавшей будто бы при жизни короля, с 1635 года. Нашлись злоязычники, утверждавшие, что дофин Людовик и брат его герцог Анжуйский – сыновья Мазарини; впоследствии,

когда по всей Франции пронесся слух о таинственной железной маске, тысячи уст утверждали, что несчастный узник Бастилии не кто иной, как побочный сын Анны Австрийской от кардинала Мазарини. Время разоблачило клеветы завистников первого министра, и на основании несомненных данных можно сказать, что кардинал интимно сблизился с Анной Австрийской только в год кончины Людовика XIII (1643), когда вместе с ее нежным сердцем она доверила его рукам кормило правления. Не скрывая своего расположения к кардиналу, королева старалась уверить всех своих приближенных, что ее отношения к Мазарини самые безукоризненные, а беседы с глазу на глаз касаются вопросов государственных и религиозных о спасении душевном… В характере Анны Австрийской в эту эпоху проявились черты того лицемерия и ханжества, которые вскоре привились во французском обществе второй половины XVII века; черты, память о которых на веки вечные сохранится в потомстве благодаря мольеровскому Тартюфу. Нравственная эпидемия иезуитского ханжества в царствование Людовика XIV быстро распространилась по всей Франции, угрожая в будущем самыми плачевными последствиями. Таковыми были: отмена Нантского эдикта и безобразное настроение духа всего французского общества в последние годы жизни Людовика XIV. Риторические громы Боссюэта, Бурдалу, Массильона и Флешье нагнали на аристократию суеверную панику, сообщившуюся среднему и даже низшему классу. С Мольером, нисшедшим в могилу, театр утратил свое высокое нравственное значение, и эту кафедру, с которой Мольер громил общественные пороки, иезуитские проповедники – в свою очередь – провозгласили «сосудом диавольским, орудием сатаны» и т. п. Мольер – комедиант, скоморох – мог смело сказать, что он до последней минуты был верен девизу: смех исправляет нравы (ridendo castigal mores); иезуиты-витии, наоборот, своими проповедями, заставляя Францию плакать, изуродовали общественные нравы, наложили на них вериги ханжества и фанатизма. Эпоха регентства (1715–1723 гг.) была обращением Франции от одной крайности к другой; но иначе быть не могло! Общество, утомленное напускным аскетизмом, изнуренное насильственным воздержанием, сбросило с себя власяницу, в которую его закутали иезуиты и явилось в наготе языческой вакханки, вознаграждая себя за долгий пост возмутительными вакханалиями и луперкалиями.

Вместо прежнего пепла вся знать посыпала себе голову ароматной пудрой; вместо недавнего сухоедения ударилась в чревоугодие, пьянство, распутство; вместо покаянных воздыханий

затянула неблагопристойные песни. На смену витиям явилась целая плеяда авторов, последователей Бокаччио и Аретина; явился Вольтер – бич ханжества и суеверия, и, не отделяя пшеницы от плевел, истины христианской от лжи иезуитизма, выжег из умов и сердец верования, к ним привитые… Где Мольер колол булавкою, там Вольтер рубил топором; первый старался отрезвить общество от иезуитского хмеля, второй – одно опьянение заменил другим…

Мольер для французского общества исхода XVII столетия был пиявицею, отсасывавшею у него вредные соки, привитые иезуитизмом; Вольтер для XVIII века был ядовитым аспидом: он язвил, но не исцелял, и вместо одного яда прививал другой; Мольер старался перестроить, Вольтер – разрушал, и все его произведения – протест нового поколения на заблуждения старого; он не был сеятелем революционных идей, а только пахарем, приготовившим почву для их восприятия.

Всмотритесь пристально в этот переход Франции от старого образа мыслей к новому, восходите к источнику. Анна Австрийская, истая дочь Испании, – блудливая, как кошка, в молодости, трусливая, как заяц, под старость, – являет французскому обществу дурной пример ханжества, прикрывающего тайные грешки: она усердно слушает проповедников, строго соблюдает их приказания, чуть не бичуется дисциплиною и в это же самое время сожительствует с кардиналом в полной уверенности, что это сожительство, благодаря сану возлюбленного, извинительно. Придворные дамы следуют поданному примеру; лицемерие, кощунствующая набожность входят в моду. Достойный сын Анны Австрийской, Людовик XIV – Юпитер в молодости и чуть не Будда в том возрасте, когда – по выражению Бертрама в опере «Роберт»:

«Когда грешить нет силы боле!»

– Людовик XIV доходит в ханжестве до Геркулесовых столбов; французское общество не отстает от него. Регентство – революция нравственная, предшественница революции политической; одна начинается разливанным морем вина, другая оканчивается разливанным морем крови, и где же находим источники того и другого? В будуаре Анны Австрийской, в котором она беседует со своим Мазарини о душевном спасении, не забывая и наслаждения телесного. Нравственный недуг, который стараниями королевы прививается к государственному организму, через полтораста лет требует операции радикальной, и до 900000 голов падает под лезвием гильотины.

На шестой день кончины Людовика XIII (20 мая 1643 года) в Париже получено было известие о победе, одержанной над испанцами герцогом Ангиенским, сыном принца Конде и Шарлотты Монморанси – последней любви Генриха IV. Он и сестра его герцогиня де Лонгвилль родились у супругов после десятилетнего бесплодного сожительства. Принца с Шарлоттой сблизило пребывание первого в заключении в Венсенском замке. Предоставляем физиологам разрешить любопытный вопрос: до какой степени сильно влияние на характер человека места его рождения? Герцогиня де Лонгвилль и брат ее герцог Ангиенский в тюрьме родились, и оба играли весьма важные роли во время волнений, ознаменовавших эпоху регентства Анны Австрийской. Победа герцога при Рокруа обратила на него внимание всей Франции и снискала ему расположение королевы-правительницы. В это же самое время она воротила из ссылки своих приближенных: госпожу д'Отфор, маркизу де Сенесе, Лапорта и наконец герцогиню де Шеврез. Любимица возвращалась из Брюсселя в Париж с пышностью королевы. Прислуга ее помещалась в двадцати каретах, за которыми следовал целый обоз имущества. На расстоянии трехдневного пути до Парижа навстречу герцогине выехал принц де Марсильяк и предупредил ее, что Анна Австрийская теперь не та, какой была прежде, и чтобы герцогиня в беседах с ней была повоздержаннее на язык и менее игрива в шутках. Захватив в собой мужа, жившего в Сан-лисе, герцогиня де Шеврез прибыла наконец в Лувр.

Холодность, выказанная королевой при приеме бывшей своей любимицы, доказала герцогине де Шеврез, что Анна Австрийская действительно изменилась к худшему; кроме того, место любимицы было уже занято супругой принца Конде Шарлоттой Монморанси, которая, несмотря на свои пятьдесят лет, не утратила ни красоты, ни способности интриговать и наушничать.

Преувеличенная набожность королевы, умышленное забвение ею времени минувшего, когда и она, грешная, пошаливала благодаря содействию герцогини де Шеврез, наконец, ее охлаждение к Испании и приверженность интересам Франции – все это ставило герцогиню в какое-то ложное, натянутое положение. Она рассчитывала на расположение к себе Анны Австрийской за услуги, ей оказанные двадцать лет тому назад; но услуги-то эти были такого рода, что королева теперь стыдилась и вспоминать о них; тогда, увлеченная страстью к герцогу Бекингэму, угнетаемая Людовиком XIII, оскорбляемая кардиналом Ришелье она считала герцогиню другом и единственной своей утехой… Теперь эту же самую герцогиню она готова была назвать своей сводницей и чуть ли не главной

виновницей своих заблуждений молодости. В политических убеждениях та и другая точно так же диаметрально расходились, и приязненные отношения герцогини к Фландрии, Лотарингии и Испании не могли нравиться королеве. Через два часа после представления герцогини, по возвращении ее домой, ей доложили о приезде кардинала Ма-зарини. По старой памяти, считая его лакеем кардинала Бен-тиволио, герцогиня приняла могучего временщика высокомерно и была с ним тем надменнее, что итальянец был вежлив до самоунижения и рассыпался перед бывшей любимицей в любезностях. Перед уходом он упросил ее, в особенное для него одолжение, принять заимообразно пятьдесят тысяч ефимков золотом, на покрытие путевых издержек герцогини. Не подозревая ловушки, герцогиня, уверенная в преданности Мазарини, попросила его похлопотать о возвращении семейству Вандома бретанского губернаторства. Министр отвечал, что отнять достояние Мейллльере он не вправе, но что если герцогине угодно, то он с удовольствием готов вознаградить Вандома назначением его управляющим адмиралтейством и генерал-инспектором всех французских портов. Герцогиня, довольная уступчивостью кардинала, попросила у него для герцога д'Эпернона возвращения ему чина генерала от инфантерии и губернаторства Гюйэнны. Чин герцогу Мазарини согласился возвратить, но губернаторство было уже отдано графу д'Аркуру… Герцогиня с назойливостью попрошайки обратилась к кардиналу с третьей просьбой: заменить канцлера Сегье маркизом де Шатонефом в должности хранителя печати. На этот раз Мазарини, обещая ей иметь этого претендента в виду, внутренне дал себе слово при первом же удобном случае подставить ногу любезной герцогине, немножко чересчур радеющей о своих приятелях. Со своей стороны, и эта госпожа, одолжаясь кардиналу, любила давать лишнюю волю своему острому язычку и подсмеивалась над ним королеве, воображая, что Мазарини тот же Ришелье… Но Анна Австрийская была не та, и шуточки над кардиналом имели последствием совершенное охлаждение к ней королевы. Не долго думая бывшая любимица пристала к партии Бофора. За злоречие о министре подверглась опале королевской и госпожа д'Отфор: ей Анна Австрийская напомнила через своего камердинера, что она, дурно отзываясь о первом министре, обижает и государыню. В это время прибыл ко двору бежавший за границу друг и сообщник покойного Сен-Марса – де Фонтрайль. Королева приняла его как нельзя суше и холоднее. Фонтрайль попытался укрыться под крылышко герцога Орлеанского, но и тот отстранил от себя старого интригана… Тут же, как нарочно, Бутийе и Шавиньи впали в немилость и,

обиженные Мазарини, подав в отставку, присоединились к партии недовольных, группировавшейся вокруг герцога Бофора. Герцогиня де Шеврез доводилась ему даже несколько сродни: ее молодая мачеха госпожа де Монбазон была его любовницей. Глава партии герцог де Бофор – молодой, красивый собою, храбрый и предприимчивый – был вместе с тем груб и без всякого образования, до того, что в разговоре делал непозволительные грамматические ошибки. В стенах своего дома он открыл ежедневные сходки своих приверженцев, названных народом партией важных (partie des Importants). Эту партию ко вступлению в открытую игру побудило обстоятельство самое ничтожное.

В гостиной супруги герцога Геркулеса де Роган, госпожи де Монбазон, после собрания, бывшего у нее, были найдены две безымянные любовные записки, кем-то подброшенные или потерянные. Хозяйка дома из их содержания догадалась, что записки потеряны внуком адмирала Колиньи, а к нему писаны были герцогиней де Лонгвилль (дочерью герцога Конде), молодой супругой старого урода, в свою очередь, до безумия влюбленного в герцогиню де Монбазон. Последняя разгласила по всему двору о находке писем, не умалчивая об именах нежных корреспондентов. Супруга герцога Конде, вступаясь за доброе имя дочери, принесла королеве жалобу на герцогиню Монба-зон, обвиняя ее в клевете и диффамации. Анна Австрийская успокоила просительницу обещанием примерно наказать клеветницу. Как бы в задаток исполнения этого обещания королева навестила беременную герцогиню Лонгвилль в ее загородном замке и выразила ей свое искреннее участие. В этот же день недовольные явились с визитами к герцогине Монбазон.

Верная данному слову, королева приказала кардиналу набросать формальное извинение, которое герцогиня Монбазон в присутствии всего двора должна прочитать герцогине Лонг-вилль. Для пущего унижения вельможной клеветницы ее отречение от напраслины, возведенной на невинную де Лонгвилль, происходило на балу, в доме последней. Прощение, прошенное с одной стороны и данное с другой, разумеется, не примирило их, но только пуще разожгло обоюдное озлобление. Дочь Конде испросила у королевы позволения не выезжать и ко двору даже во все те дни, когда при нем появляется герцогиня Монбазон… Столкновение врагов, как и следовало ожидать, не замедлило с результатами.

Герцогиня де Шеврез давала в саду завтрак в честь королевы, на которой Анна Австрийская приехала с герцогиней Лонгвилль… Их встретила, разыгрывая роль хозяйки, ненавистная Монбазон. Обиженная дочь Конде попросила у

королевы позволения удалиться, но Анна ее удержала, предложив удалиться герцогине де Монбазон под предлогом нездоровья… Та отказалась от предложения.

– В таком случае и я не останусь! – сказала Анна Австрийская и, не прикоснувшись к завтраку, возвратилась в Лувр вместе с герцогиней Лонгвилль.

На другой же день соперницу ее попросили выехать из Парижа в свое поместье. Досадуя за свою возлюбленную, герцог Бофор стал на каждом шагу делать дерзости кардиналу и королеве, в то же время располагая умертвить первого из-за угла. Гнусный заговор, без сомнения, удался бы, и только счастливый случай спас жизнь Мазарини: в его карету сел Гастон Орлеанский, и убийцы не посмели стрелять по ней. В другой раз его уведомили накануне, чтобы он не проходил в Лувр обыкновенной дорогой под опасением убийства из-за угла.

– Этого я без наказания не оставлю, – сказала королева, узнав о заговоре на жизнь кардинала, – и через сорок восемь часов злодеи за все поплатятся!

На другой же день герцог де Бофор был арестован в Лувре, в комнатах королевы, и заточен в Венсенский замок. Для прислуги ему дали придворных повара и лакея; он просил, чтобы ему прислали его слуг, но просьба эта была отклонена. Отцу, матери герцога и брату его герцогу де Меркеру высочайше повелено было выехать из Парижа… Герцогиня де Шеврез (меднолобая госпожа) поехала к королеве и вздумала было заступаться за семейство Вандом, за что удостоилась услышать добрый совет: жить в Париже смирно и не в свое дело не вмешиваться. Герцогиня попыталась возражать, и тогда королева предложила ей вместе с дочерью отправиться в Тур. Отсюда та и другая, переодетые в мужское платье, перебрались в Англию.

За опалою герцогини де Шеврез следовали падения госпож Сенесе и д'Отфор. Выведенная из терпения их постоянными просьбами и попрошайничеством, королева попросила первую удалиться от двора, а вторую не докучать ей более. Так расстроены были все козни и происки партии важных, и Мазарини остался полным обладателем выгодной своей позиции, и весь двор перед ним раболепствовал.

Около этого времени прибыл в Париж герцог Ангиенский, брат герцогини де Лонгвилль. Узнав о нанесенном ей оскорблении, он решился наказать если не главных клеветников, то, по крайней мере, их сообщников. В этом вызвался быть ему сподвижником граф Колиньи, любовник герцогини де Лонгвилль. Он попросил у герцога Ангиенского позволения вызвать на дуэль любовника герцогини Монбазон герцога Генриха Гиза, принца

Жуанвилль. Внук знаменитого «Порубленного», Генрих родился в Блуа 4 апреля 1614 года и в эпоху рассказываемых нами событий имел двадцать девять лет от роду. Как младший в семействе, он должен был посвятить себя духовному званию и вскоре приобрел громкую известность своими соблазнительными похождениями и шутовскими выходками, достойными не потомка Гизов, а скорее какого-нибудь площадного шута. Весь Реймс (в котором он был архиепископом) говорил о его связи с женой Жуайеза, губернатора Шампании. Горничная госпожи де Жуайез пришла однажды к архиепископу с просьбой дать ее брату место каноника. Гиз исполнил ее просьбу с условием, чтобы она, подобно своему брату, облачилась в одеяние каноника, и горничная месяца три щеголяла в этом наряде. Не правда ли, остроумная шутка? После госпожи де Жуайез герцог-архиепископ усердно ухаживал за мадемуазель де Виллье, актрисой Бургонского отеля, и в ее честь одевался в платье желтого цвета, особенно ею любимого. При всем своем тупоумии этот выродок знатной фамилии Гизов любил чваниться своим происхождением и требовал, чтобы при утреннем его туалете ему прислуживали знатнейшие прелаты. После актрисы Виллье Гиз затеял интригу с Бенедиктою Гонзаго, младшей дочерью герцога Невер, настоятельницей женского монастыря Авенэ… После двухнедельной связи он сблизился с ее сестрой Анной, с которой, несмотря на свое духовное звание, тайно обвенчался. Это не помешало ему в бытность во Фландрии обвенчаться и со вдовой графа Боссю Гонориною Глим. Спасая свою пустую голову от эшафота, этот скоморох жил за границей по самый день смерти Людовика XIII; Анна Австрийская разрешила ему возвратиться во Францию. Покинув и вторую жену свою, Гиз прибыл в Париж во время распри двух герцогинь из-за любовных писем и принял сторону герцогини Монбазон, скрепив свой союз связью с ней.

К этому-то милому Дон-Жуану граф Маврикий де Колиньи прислал своего секунданта д'Эстрада. Местом поединка назначена была Королевская площадь, на которую выходили окна дома герцогини Роган.

Невидимая бойцами, герцогиня де Лонгвилль смотрела на поединок. Бились на шпагах Гюиз, Колиньи и их секунданты д'Эстрад и Бридье… После трех первых пассов граф Колиньи упал, тяжело раненный в грудь, и месяца через четыре умер от этой раны. Фамилии Колиньи, как видно, было написано на роду постоянно страдать от фамилии Гизов. С легкой руки этих бойцов дуэли, утихнувшие при Ришелье, снова вошли в моду между французским дворянством; указ против поединков утратил свою силу. Здесь нелишним считаем заметить, что, по статистическим

сведениям, собранным де Ломени, в Париже с 1589 по март месяц 1607 года пало на дуэлях до четырех тысяч человек. Прав ли был Ришелье, принимая жестокие меры к искоренению этого зла?

7 октября 1643 года королева вместе с сыновьями – королем Людовиком и герцогом Анжуйским – переехала из Лувра во дворец, завещанный королю кардиналом Ришелье и с этого времени переименованный во дворец королевский (Palais-Royal). Построение его обошлось кардиналу в 816 618 ливров, что составляет около четырех миллионов франков (миллион рублей серебром). Племянница покойного, знаменитая госпожа д'Эгильльон (Комбалле), подала королеве прошение о сохранении за дворцом его прошлого названия кардинальского, и Анна Австрийская согласилась; но прозвище Пале-Руайяля сохранилось и удержалось в народе. Пятилетнего короля (будущего Людовика XIV) поместили в комнате кардинала; себе королева взяла кабинет, присоединив к нему молельню, будуар и драгоценную картинную галерею, наполненную произведениями Леонардо да Винчи, Андре дель Сарто, Аннибала Каррачи, Па-оло Веронезе, Гвидо Рени, Рафаэля и Пуссена. Возлюбленный кардинал занял флигель дворца, соединенный с королевскими покоями внутренней галереей.

Король до семи лет оставался на попечении нянюшек и гувернанток. Попечителем его был кардинал; гувернером – Вилльруа; наставником – Бомон; сверстником – Людовик Генрих де Ломени, граф де Бриенн; камердинером – Лапорт. Последние два вели записки о детстве будущего версальского Юпитера, которые можно назвать драгоценнейшими материалами для его биографии. Кроме маленького графа де Бриенна, в сверстники к королю приставлены были сыновья маркиза де ла Шартра, графа дю Плесси Прален, малолетние Куален (племянник канцлера Сегье) и де Вивонн. Этим отрядом потешных командовала горничная королевы, госпожа ла Салль. Раз в сутки дети играли с королем в солдаты, причем он исправлял должность барабанщика, так как в нежнейшем возрасте выказывал особенную склонность к барабанному бою… Какая богатая тема для фальшивых хвалебных гимнов придворной челяди и поэтов-прорицателей! «В пятилетнем младенце видим будущего героя!» – твердили они, упуская из виду, что к игре в солдатики искони веков одинаково склонны и дети королей, и обыкновенных смертных. Кроме госпожи ла Салль, в играх пятилетнего дофина участвовала и госпожа де Сенесе.

При переселении королевской фамилии в Пале-Руайяль король Людовик отдан был на попечение мужчин, чем он был весьма недоволен, привыкнув к своим собеседницам. От Ла-порта,

ложась спать, он требовал, чтобы тот говорил ему сказки. Вместо сказок камердинер каждый вечер читал королю главу из «Истории Франции» Мезере, и чтение это приносило Людовику большое удовольствие. Кардинал Мазарини, узнав об этом, сказал, что если камердинер Людовика учит его истории, то учитель, вероятно, его обувает. Кардинала король решительно ненавидел и при каждом удобном случае выказывал ему свою ненависть. Независимо от инстинктивного отвращения, питаемого детьми вообще к любовникам их матерей, причиной ненависти Людовика к Мазарини была скаредность последнего, которую испытывали на себе дофин и брат его. Кардинал уменьшил наполовину количество белья, ассигнованного маленьким принцам, удвоив срок, на который оно выдавалось; вследствие этого, говорит Лапорт в своих записках, простыня короля была в дырах, а халат, который он носил зиму и лето и из которого вырос, доходил ему до колен. Это содержание будущего короля в черном теле – истинный источник его безумной страсти к роскоши в зрелом возрасте. «Каким образом?» – спросит читатель, и мы ответим: «Самым естественным». Чувство возмездия врождено каждому человеку, и за лишение чего-либо в одном возрасте человек всегда старается вознаграждать себя в другом. Укажем для примера на факт обыденный: сын скупого богача всегда бывает мотом и в два-три года расточит капитал, собранный его отцом в течение двух-трех десятков лет. Если бы почтенный родитель не лишал сына тех удовольствий, которые с юности составляют насущную потребность, если бы старик выдавал ему на его гардероб сумму, соответствующую своему состоянию, – сын, введенный во владение наследством после отца, конечно, не был бы мотом. Соря деньгами теперь, он вознаграждает себя за минувшие лишения и за прежнее воздержание от удовольствий пресыщается ими. Та же самая история была и с королем Людовиком XIV: он не был бы расточителем, если бы не рос на попечении скряги кардинала Мазарини. От скаредности последнего терпел весь двор – от королевы и ее детей до последнего сторожа. В видах сокращения расходов Мазарини лишил фрейлин и статс-дам обеда и ужина, отпускавшихся им прежде; придворные дамы и девицы питались объедками, остававшимися от обедов и ужинов королевы; многие были принуждены есть приносимое им из их собственных кухонь. В ноябре 1645 года, по случаю подписи брачного контракта принцессы Марии Гонзаго и Владислава IV, короля польского, при дворе дан был праздник и ужин его посланникам. Первое блюдо было съедено голодными придворными лакеями, прочих блюд было, как говорится, в обрез; когда же гости начали разъезжаться

и вышли на парадную лестницу, она не была освещена, и они едва не разбили себе носов. Жалкое понятие составили себе польские магнаты о дворе французском и его администрации. Анна Австрийская, дочь обладателя обеих Индий, богатства которого вошли в пословицу, покорялась распоряжениям Мазарини, жадного проходимца, и не имела смелости требовать от него и малейшего улучшения своего придворного быта. Скуп был Людовик XIII, но зато Ришелье, ревнуя о возвышении королевской власти, окружал его пышностью и блеском, составляющими необходимые элементы обстановки, окружавшей короля. Мазарини, напротив, низвел эту обстановку на степень какого-то нищенства, возбуждавшего омерзение.

Между тем события политические шли своим чередом. Франция вела войну с Австрией и Испанией. Одержав верх над первой в битве при Фрейбурге и отняв у нее Гравелин, она проиграла второе сражение при Лериде и принуждена была снять осаду Тарагоны. На папском престоле Иннокентий X сменил Урбана VII; королева английская Генриэтта, устрашенная началом революции, бежала из своего королевства в свою родину – Францию… 1644 год был, кроме того, ознаменован бунтом в Париже и появлением секты янсенистов. Бунт был следствием налога на домовладельцев за возведенные ими строения в предместьях, вопреки старинному указу парламента. Народ три дня шумел и волновался, наконец смирился и утих, называя свою демонстрацию бунтом размежевки (revolte du toise). Эта вспышка народного восстания в сравнении с янсенизмом была искрой в сравнении с пожаром. Откуда произошла эта секта? Покойный Ришелье, обратив внимание на возвышенный ум и высокие качества аббата Сен-Сириана, предложил ему епископство в 1636 году, от которого аббат, к удивлению кардинала, отказался, довольствуясь своей скромной долей и не желая лучшего. Гастон Орлеанский, потеряв первую супругу (мадемуазель де Гиз, родившую ему дочь, известную под именем Мадемуазель), решил вступить в брак вторично с принцессой Лотарингской. Ришелье, бывший против этого брака, вздумал его расторгнуть, и все французское духовенство в угоду деспоту объявило его недействительным; один аббат Сен-Сириан признал его законным. За это неповиновение воле кардинала аббат был заточен в Венсенский замок 14 мая 1638 года. За восемь дней перед тем в Бельгии умер друг его Корнелий Янсениус, епископ Ипрский, оставив после себя огромное сочинение под именем *Augustinus,* посвященное рассуждению о благодати, – вопросу, которого папа Урбан VIII строжайше запретил касаться. Это сочинение было напечатано и навлекло на себя жестокие нападки

со стороны иезуитов; друг автора, аббат Сен-Сириан, поручил защищать книгу Антонию Арно, младшему из двадцати сыновей известного адвоката. Приверженцы нового учения Ян-сениуса названы были янсе-нистами. Королева, взяв сторону иезуитов, отдала приказание, чтобы Антоний Арно отправился в Рим на суд папы, но адвокат скрылся, а университет и Сорбонна вошли к королеве с ходатайством о помиловании их члена… К их голосам присоединился и парламент, объявивший, что галликанская церковь, будучи самостоятельной, не подлежит ведению ватиканского кабинета и Арно должен быть судим (если только подлежит суду) не в Риме, а в Париже. Таким образом, вопрос о янсенистах с теологической почвы был перенесен на политическую, и Анна Австрийская принуждена была отменить свое решение. Эта уступка правительницы парламенту породила множество толков во всех сословиях вообще, в духовном в особенности. Ярыми приверженцами янсенизма явились отшельники Пале-Руайяля, и впоследствии немало наделали они хлопот королю Людовику XIV и всем вообще сторонникам иезуитизма.

За исключением полемических перебранок между этими двумя партиями в Париже все обстояло благополучно; Маза-рини царил спокойно, вполне уверенный в непоколебимости своей власти. В октябре 1647 года он выписал из Италии свою многочисленную родню: семь племянниц и двух племянников. Один временщик или одна фаворитка – горе для государства; но если они выводят в люди еще своих родственников и окружают государя живой изгородью целого племени будущих временщиков, это можно назвать бедствием. Орда родственников кардинала, этих голодных оборванцев, не замедлила прибытием во Францию под теплое крылышко дяди. То были: Лаура и Анна-Мария Мартиноцци, дочери его сестры Маргариты; Лаура-Виктория, Олимпия, Мария, Гортензия и Мария-Анна Манчини с двумя братьями. 11 сентября госпожа Ножан встретила дорогих гостей в Фонтенбло, и в тот же вечер они представлялись королеве в Пале-Руайяле. Маршал Вилльруа, смотря на юных паразитов, сказал кому-то из придворных:

– Да! Пока эти девицы не богаты, но помяните мое слово, очень скоро у каждой из них будут замки, наряды, брильянты, серебряная посуда и знатные мужья в придачу… За братьев не поручусь!

Слова маршала можно было назвать пророческими. Виктория Манчини вышла за герцога Вандомского, внука Генриха IV; Олимпия – за графа Суассона; Мария, думавшая попасть в супруги Людовика XIV, утешилась Лаврентием Колонною,

неаполитанским конетаблем. Брат их был убит, не достигнув никаких почестей.

Мазарини принял племянниц и племянника очень холодно, чем, однако же, никого не обморочил, так как весь двор понимал, что он играет комедию и равнодушным только прикидывается. Поселились милые родственники при добром дядюшке, к которому прибыл впоследствии и второй транспорт племянниц вечных Манчини и Мартиноцци. Оставим, однако, на время это гнездо залетных хищных птиц, обращая внимание на новую личность одного из главнейших героев Фронды – на Иоанна-Франциска Павла де Гонди, племянника клеврета и любовника блаженной памяти Катерины Медичи. Он родился в 1614 году и, как младший в семействе, будучи предназначен в духовное звание, был принят в каноники собора Парижской Богоматери (31 декабря 1627 года); впоследствии ему было дано аббатство Бюзэ с фамилией Ретц. Тяготясь своей сутаной и не имея ни малейшего желания оставаться в духовном звании, Ретц умышленно дрался на дуэли с Бассомпьером и ранил его в надежде, что за это будет расстрижен… Родственники его упросили генерал-прокурора замять это дело, и Ретц остался при прежней должности. Досадуя на непрошеное ходатайство родных, Ретц вскоре вызвал на дуэль графа д'Аркура, вместе с ним ухаживавшего за госпожой дю Шатле, но и этот поединок окончился примирением, так как граф при всей своей храбрости был человек добрый и миролюбивый. Третья его дуэль с де Праленом окончилась довольно серьезной раной, нанесенной аббату в горло; в четвертый раз он дрался с капитаном Контено – и опять неудачно! Противник аббата упал во время драки, а Ретц помог ему подняться на ноги: это великодушие до того тронуло Контено, что он, прося прощения у Ретца, предложил ему вечную свою дружбу. Видя, что из-за дуэлей ему не суждено быть уволенным из духовного звания, Ретц явно взял на содержание молоденькую девушку, племянницу булавочницы Мэньеле, проданную ему за пятьдесят червонцев. Эта молоденькая девушка при первом посещении содержателя так умно объяснила ему гнусность его поступков, что Ретц, от природы благородный, отпустил ее, не воспользовавшись своими правами покупщика бедной непорочности… Третий способ, выбранный аббатом для избавления себя от рясы, было его вмешательство в заговор графа Суассона; но родные, предвидя опасную развязку, услали Ретца на год в Италию. По возвращении оттуда он попал в Бастилию, из которой, однако, был выпущен после смерти кардинала и королевой-правительницей был пожалован в коадьюторы.[3] Кардинал Мазарини не благоволил ему особенно и отзывался о нем, называя его беспокойным

человеком; зато в простом народе Ретц слыл за человека доброго и пользовался большой популярностью.

В январе 1648 года, по поводу указа о тарифе в Париже произошли волнения. Купечество отправило к герцогу Орлеанскому депутацию, прося его заступничества. Герцог обещал иметь просителей в виду. Эта стереотипная фраза, которую сильные мира сего обыкновенно золотят горькую пилюлю отказа, была и тогда в большом употреблении. На другой день депутаты, придя во дворец и встретив президента де Торе, сына генерального сборщика податей д'Эмери, накинулись на него, называя сыном тирана, и чуть не поколотили; на следующий день точно такие же неприятности были сделаны Матье Моле, который пригрозил им виселицей…

– Вешать надобно не нас, – отвечали депутаты, – а наших судей, взяточников и грабителей.

Одновременно с купеческой депутацией рекетмейстер Го-мен, явясь к Мазарини от имени товарищей, требовал сокращения штатов по финансовому управлению или увеличения окладов жалованья. Вечером у королевы был совет, окончившийся ничем, а ночью в некоторых кварталах столицы слышны были выстрелы. В ответ на расспросы полицейских горожане отвечали, что они пробуют оружие на случай, если правительство не уступит им дружелюбно. Громко ссылались на недавнее восстание Неаполя; поговаривали и о мятежах в Англии. Наутро королева, ехавшая к обедне в собор, была окружена женщинами, умолявшими ее о сложении тягостных налогов… Анна Австрийская не удостоила их ответом. К вечеру Мазарини выдал приказ войскам держаться наготове, и по всему городу расставлены были пикеты и ходили патрули. Градской глава заявил, что эти правительственные мероприятия озлобляют народ и могут привести к плачевным столкновениям. Сознавая справедливость этих слов, кардинал велел войскам разойтись по казармам. Тем не менее, опираясь на силу, королева-правительница пятью новыми указами подтвердила сбор всех тягостных податей, а недовольным рекетмейстерам приказывала подать в отставку. Деспотизм был тем невыносимее французскому народу, что угнетали его иноземцы в лице королевы, бывшей испанской принцессы, и Мазарини, итальянского прелата. Отдельные вспышки народного негодования слились в одно пламя явного восстания. Около этого времени герцог де Бофор бежал из своего заточения в Венсенском замке, в котором он просидел пять лет под присмотром личного своего врага Шавиньи.

В исходе 1647 года по всему Парижу пронесся слух, будто

астролог Гуазель предсказал, что Бофор будет на свободе ко дню св. Троицы. Встревоженный молвой, Мазарини призвал смотрителя замка ла Рамэ и расспросил его, хорош ли присмотр за Бофором. Ла Рамэ отвечал, что, кроме надежного Шавиньи, с герцога не спускают глаз восемь часовых. «Бегство Бофора, – прибавил ла Рамэ, – возможно только в таком случае, если он превратится в птицу, да и то самую маленькую, так как оконные решетки в Венсенском замке не слишком-то широки!»

Бофор после нескольких неудачных попыток подкупить часовых сблизился со слугой ла Рамэ Вогримоном. Через него он нашел возможность войти в переписку со своими друзьями. Им удалось подкупить пирожника, который взялся запечь в паштет, назначенный для стола герцога, два кинжала и веревочную лестницу. Этот паштет с приятной для Бофора начинкой был ему доставлен накануне Троицына дня; кроме кинжалов и лестницы, он нашел в нем клубок бечевок и железную грушу, посредством которой можно было заклепать рот сторожу. Не вдаваясь в излишние подробности, скажем, что предсказание астролога сбылось, и в Троицын день 1648 года герцог Бофор убежал из Венсенского замка. Эта новость не очень-то поразила Анну Австрийскую и Мазарини.

– Я на его месте сделал бы то же, – сказал кардинал, – только годами тремя пораньше!

Правительство, т. е. Мазарини и Анна Австрийская, занято было тогда другим делом, поважнее, именно – скандалезной историей о несостоявшемся похищении дочери герцога Орлеанского эрцгерцогом Австрийским. В 1646 году ей прочили в мужья принца Уэльского, сына короля английского Карла I и Генриэтты; это сватовство, однако же, не состоялось, так как Мазарини, узнав о вдовстве императора австрийского, вздумал посватать ему принцессу против ее желания. Эрцгерцог Леопольд Вильгельм решился избавить ее от ненавистного брака путем похищения и предложения ей своей руки… Это намерение не удалось, но шуму оно наделало большого, и нравственная Анна Австрийская была возмущена этим до глубины души. Принцессу подвергли домашнему аресту. Семейные неприятности отвлекли внимание королевы и кардинала от волнения народного, возраставшего с каждым днем. Коадьютор предупреждал их о серьезной опасности, но они не слушали. Члены парламента – советник Петер Бруссель и президент сыскной палаты Бланмениль – при каждом заседании отстаивали народные права, открыто нападая на правительство. Впрочем, и весь парламент находился к правительству во враждебных отношениях. Коадьютор взялся за роль посредника между королевой,

кардиналом и народной партией, пытаясь склонить первых на уступки. Отделываясь фразами, Мазарини обещал удовлетворить требование парламента, откладывая, однако, со дня на день решение вопроса о налоге. 26 августа назначено было молебствие в соборе Богоматери по случаю победы, одержанной принцем Конде при Лэне (Lens). Присутствовали в церкви Анна Австрийская с семейством, огромной свитой, в сопровождении военного отряда из трех батальонов гвардии. По окончании богослужения королева отдала приказание капитану Комменжу и двум его сослуживцам арестовать Брусселя, Бланмениля и Новиона. Первый был схвачен у себя в доме и, посаженный в карету под конвоем, был повезен в Лувр… Народ пытался силой отбить у Комменжа своего защитника; произошло несколько схваток между горожанами и гвардейцами: первые действовали палками и камнями, вторые – палашами и прикладами… Дошло дело и до перестрелки. С обеих сторон насчитали несколько раненых и изувеченных. Как бы то ни было, Бруссель был отвезен в Седан, а Бланмениль и Новион в Венсенский замок.

На другой же день Париж представлял грозную картину явного мятежа: все лавки были заперты, многие улицы оцеплены, граждане и купцы, вооруженные ружьями и алебардами, толпились на площадях, с громкими криками требуя освобождения Брусселя. Маршал де ла Мейлльере с отрядом гвардейцев был встречен градом булыжников; любимый народом коадьютор, окруженный толпой инсургентов, дал им слово немедленно отправиться к королеве и от имени народа истребовать освобождение Брусселя и его товарищей. Вместе с коадьютором отправился во дворец и де ла Мейлльере.

Главные виновники народного восстания – королева и ее возлюбленный кардинал – находились в эту минуту в самом неприятном положении. Указы о налогах были жестокой несправедливостью, которую они надеялись поправить другой вопиющей несправедливостью – арестом членов парламента. Первая вызвала ропот, вторая – бунт. Коадьютор и де ла Мейлльере застали в кабинете у королевы собрание умных голов, совещавшихся о принятии мер к усмирению мятежа. Кроме кардинала и герцога Орлеанского, тут были герцог Лонгвилль, маршал Вилльруа, аббат де ла Ривьер, Ботрю, Нажан и капитан гвардии Гито. Все эти господа, успокаивая королеву, уверяли ее, что так называемый бунт – вздор, безделица, не заслуживающая серьезного внимания. На возражение коадьютора королева дала ему понять, что он трус и из мухи делает слона. В эту минуту возвратившийся с площади полковник доложил Анне Австрийской, что мятежники усиливаются; с таковыми

неутешительными вестями явился к королеве и канцлер Сегье. Все присутствовавшие, за исключением коадьютора и Гито, предлагали душить мятеж силой.

– Сила пуще ожесточит народ! – сказал Гито.

– Что же делать по-вашему? – грубо спросил кардинал.

– Отдать им Брусселя, живого или мертвого!

– И я того же мнения, – подхватил коадьютор.

– Отдать?! – крикнула Анна Австрийская, и лицо ее побелело от злости. – Да знаете ли, Ретц, что я лучше удавлю его своими руками, точно так же, как и тех, которые…

Мазарини шепнул ей что-то на ухо, и она присмирела.

– Не могу не согласиться, – сказал он в свою очередь, – что выдача Брусселя – самый верный способ усмирить волнующийся народ, но тут есть одно неудобство: Бруссель в настоящую минуту вывезен из Парижа, на его возвращение потребно не менее суток. Конечно, – продолжал кардинал, – если народу от имени королевы объявить, что Бруссель завтра же будет освобожден, народ угомонится… Господин коадьютор, вы умеете говорить с ним; не возьметесь ли быть вестником освобождения?

– Весьма охотно, – отвечал Ретц, – если ваша эминенция снабдит меня письменным обещанием…

– Зачем? Народ верит на слово, особенно если это слово королевское. Не теряйте времени, спасайте государство!

То же говорили и все присутствовавшие, а де ла Мейлльере, схватив Ретца за руку, повлек его за собой. Солдаты, стоявшие в карауле во дворце, вынесли его на руках на улицу. Здесь коадьютора опять окружила народная толпа, требуя освобождения Брусселя. Ретц, благословляя мятежников, уверил их, что советник парламента непременно будет освобожден; но в эту минуту с конным отрядом явился де ла Мейлльере, кричавший народу то же самое. К сожалению, не расслышав его слов, народ видел только обнаженную шпагу. Какой-то дрягиль с саблей в руках бросился к маршалу, и де ла Мейлльере убил его наповал из пистолета. Это было знаком к отчаянной схватке отряда маршала с народом, и началась перестрелка. Ретц с опасностью для жизни убедил разъяренную чернь прекратить пальбу, а маршал де ла Мейлльере скомандовал то же своему конному отряду, однако же в течение пятиминутной перестрелки с той и другой стороны многие были поранены, и два или три человека убиты.

– Да здравствует коадьютор! – кричал народ, увлекая в своих волнах смелого Ретца к рынку, где еще слышны были угрожающие вопли и теснились толпы вооруженных торговцев. Чтобы окончательно усмирить мятежников, коадьютор объявил

им, что он отправится во дворец за подтверждением королевского обещания. Близ заставы Сержантов он встретился с де ла Мейлльере. Маршал сопровождал его до Пале-Руайяля и, вводя его в комнату Анны Австрийской, восторженно сказал:

– Вот, государыня, человек, которому одолжены спасением жизни я, мой отряд и, может быть, даже жители вашего дворца.

– Столица усмирена, и граждане слагают оружие! – объявил Ретц не без самодовольствия.

Коадьютор имел полное право хвалиться своим подвигом: возмутить и разъярить народ насилием несравненно легче, нежели усмирить его словом убеждения. Анне Австрийской показалось непонятно, даже подозрительно это скорое усмирение народа, и, взглянув на Ретца с какой-то странной улыбкой, она сказала:

– Как видно, народное волнение было не слишком-то сильно, если коадьютору удалось так скоро его утишить.

– Волнение это было до того сильно, – вмешался де ла Мейлльере, – что если завтра, согласно вашему обещанию, Бруссель не будет освобожден, то в Париже не останется и камня на камне.

– Его освобождение, конечно, пройдет, – подтвердил Ретц. Королева захохотала оскорбительным хохотом, в котором звучала насмешка.

– Советую вам, господин коадьютор, идти домой и отдохнуть после ваших великих подвигов.

Женщина эта, играя с народом в обещания, имела низость издеваться над человеком, ради ее спасения подставляющим под пули лоб. Истинно австрийская благодарность! За два часа перед тем королева дрожала и изменялась в лице, прислушиваясь к реву мятежной черни; теперь же, когда все утихло, она не постыдилась издеваться над усмирителем мятежа и для умаления заслуги коадьютора без зазрения совести назвала восстание легоньким беспорядком, утишить который мог бы простой полицейский служитель. Послушание народа любимому им человеку она принимала за трусость и малодушие; Ретц на время укротил бешеного зверя, которого Анна Австрийская почитала за смиренного барана. Все правители царств, одаренные таким неверным взглядом на свои народы, всегда рисковали не только своими коронами, но и головами.

Дав себе клятву отомстить королеве, коадьютор, выйдя из дворца, подтвердил толпившемуся у подъезда народу, что Новион, Бланмениль и Бруссель непременно будут освобождены. Глубокая тишина воцарилась в городе, недавние мятежники мирно разошлись по домам; буря народная миновала.

Обиженный, взбешенный Ретц возвратился домой и не успел сесть в кресло и собраться с мыслями, как к нему явился Монтрезор, друг покойного Сен-Марса, вечный и неизменный приверженец оппозиции и заклятый враг тирании.

– Отличились вы сегодня! – сказал он коадьютору с насмешливым поклоном.

– Чем?

– Тем, что два раза забегали к королеве. Много вы этим выиграли?

– Выиграл то, что исполнил долг коадьютора и честного человека.

– И воображаете, что ее величество вами довольна?

– Воображаю.

– Разочаруйтесь. Она, лишь только вы вышли за дверь, объявила госпожам Навайлль и де Моттвиль, что вам потому удалось усмирить бунт, что вы сами были подстрекателем. Понимаете? Королева уверена, что вы нарочно затеяли кутерьму, чтобы после похвалиться заслугой… Одним словом, что вы разыграли комедию.

Ретц хотел ответить, но на пороге показался Лэг, капитан гвардейцев герцога Орлеанского. Коадьютор спросил его, правду ли говорит Монтрезор?

– Истинную правду, – отвечал Лэг. – Я только что слышал это же самое за ужином у королевы. Над вами смеются все и говорят, что, думая удивить весь двор трагедией во вкусе Корнеля, вы его потешили балаганной арлекинадой.

– За которую, – досказал Монтрезор, – завтра же будете посажены в Бастилию.

Как будто по условию, в комнату коадьютора вошел третий гость, давнишний его приятель д'Аржантейль.

– Вы погибли! – сказал он Ретцу. – Де ла Мейлльере поручил мне сказать вам, что королева, кардинал и, разумеется, весь двор уверены, что бунт затеян вами. Поговаривают о том, чтобы арестовать вас сегодня ночью, а на заре отвезти в Кемпер-Корентен, Брусселя – в Гавр-де-Грас, а парламент – в Монтаржи.

– И они воображают, что народ позволит им это! – воскликнул коадьютор.

– Народ? – усмехнулся д'Аржантейль. – Народ спит, а завтра проснется, как пьяница после попойки, т. е. смирнее обыкновенного. Самая эта тишина города после недавней бури служит главным против вас обвинительным пунктом. Завтра, кроме вас, переберут зачинщиков и, чего доброго, десяток-другой перевешают.

– Увидим, увидим, – захохотал Ретц и тотчас же отправил

слугу с запиской к казначею Мирону, бывшему вместе с тем и полковником квартала св. Германа Оксерского. Была полночь; Ретц, отворив окно, задумчиво глядел на ясное небо и на спящий город.

– О чем вы думаете? – спросили его собеседники.

– О том, что завтра в полночь я буду хозяином целого Парижа.

Коадьютору отвечали хохотом.

Явился Мирон и, поговорив вполголоса с коадьютором, поспешно удалился; Ретц передал ему письмо к аудитору счетной камеры Лепинэ. Минут через пять Мирон возвратился в сопровождении какого-то простолюдина. Последний сообщил Ретцу, что ему на улице удалось подслушать разговор двух гвардейских офицеров, Рюбантеля и Ванна, сговаривавшихся о том, как бы арестовать Мирона и в то же время расположить пикеты от Нового моста до Пале-Руайяля.

– Все это принимаем к сведению! – сказал торжествующий коадьютор. – Сообразно их распоряжениям будем действовать и мы.

Ночной совет в доме Ретца длился до трех часов ночи. Монтрезор, Лэг и д'Аржантейль, каждый со своей бандой, согласились занять в городе позиции, назначенные коадьютором. Мирон растянул до 400 человек вооруженных горожан вдоль по набережной Нового моста; Лепинэ брался по первому сигналу воздвигнуть баррикаду у заставы Сержантов. Ретц уснул на заре, а в шесть часов утра секретарь Мирона доложил ему, что военные пикеты во всю ночь и не показывались; в семь часов два конных отряда выступили к Нельскому мосту, и тогда междоусобная битва в стенах Парижа началась. Д'Аржантейль разбил эскадрон швейцарцев и отнял у него штандарт; Лепинэ занял заставу; Монтрезор и Лэг укрепились на Новом мосту. До тысячи двухсот баррикад было выдвинуто по главнейшим улицам… Овладев без боя домом государственного канцлера Сегье, народ разграбил все найденные там сокровища, переломал мебель, перебил зеркала и стекла. Посланный от Сегье принес нерадостную весть во дворец; тогда королева и кардинал поняли, что народ не шутку шутит. Маршалу де ла Мейлльере было поручено перевести канцлера и его брата, епископа Мо, во дворец. Во время переезда, несмотря на конвой, охранявший путников, народ встретил их на площади Дофина сильным огнем… Шальная пуля раздробила руку дочери канцлера, герцогине Сюлли; камер-лакей, стоявший за каретой, был убит наповал. Анна и Мазарини имели бесстыдство послать нарочного к коадьютору с просьбой об усмирении, но Ретц отвечал, что, не имея на народ ни малейшего влияния, он не

может исполнить желание ее величества. Королева грызла ногти от злости; Мазарини трясся как в лихорадке, придворные фанфароны храбрились, не трогаясь с места. К довершению бешенства Анны Австрийской ей доложили о приходе во дворец членов парламента. В кабинет вошел президент, сопровождаемый депутатами.

– Странно и стыдно, господа, – накинулась на них королева. – При покойной матушке принцев крови арестовывали, и вы молчали… Теперь из-за какого-то Брусселя в городе бунт, и вы с бунтовщиками заодно.

– Ваше величество, – отвечал президент, – не время вспоминать былое, а следует подумать о том, чем пособить бедствию народному. Мой совет – отдать узника доброй волей, не заставляя мятежников прибегнуть к насилию.

– Унизить королевскую власть! – вспыхнула королева.

– Вы отвечаете отказом?

– Да, и буду отвечать отказом до тех пор, покуда у меня будут требовать освобождения Брусселя так нагло. Лично я, может быть, и простила бы Брусселя, но уважение к власти королевской не дозволяет мне потакать народному своеволию.

Сказав это, королева удалилась, и депутация вышла из дворца к народу с нерадостными вестями.

– Ах вы мошенники! – заревели тысячи голосов. – Так вы заодно с ними нас морочите? Марш опять во дворец – и без помилования Брусселя не возвращаться!

Вторичное посещение депутатами королевских апартаментов увенчалось желанным успехом: дрожащей от бешенства рукой Анна Австрийская соблаговолила подписать приказ об освобождении Брусселя. Племянник арестанта, показав народу этот документ, объявил, что дядя его завтра же к восьми часам будет в Париже.

– Мы подождем, – отвечали коноводы мятежников, – и всю ночь будем дежурить на площадях. Если же и завтра нас обманут, мы разнесем Пале-Руайяль по камешку, а на развалинах повесим Мазарини!

Народ сдержал свое слово – он не спал всю ночь, да и ее величество королева не изволила сомкнуть своих ясных очей: она трусила, и не без основания. Мазарини не на шутку заболел расстройством желудка.

На следующее утро к десяти часам Бруссель явился среди восторженного народа: его на руках донесли до собора Богоматери, где был отслужен благодарственный молебен. Указом парламента от 28 августа 1648 года гражданам Парижа приказано было возвратиться к их мирным занятиям, и часа через

два тишина водворилась, и все шло прежним порядком.

– Наши парламентские господа, – сказал Мазарини, – похожи на школьников, бросающих камешки пращами (qui frondent):[4] разбегаются, завидя полицейского, а только он уйдет, то сходятся опять. Эта шутка не понравилась парламенту. Утром в день баррикад советник Барильон, смеясь над Мазарини, импровизировал следующую песенку:

Un vent de Fronde
A soufflece matin;
Je crois qu'iL gronde
Centre Le Mazarin!
Un vent de Fronde
A soufflece matin.[5]

Песенка дня через два сделалась народной. Противники Мазарини назвались пращниками или фрондерами (Les frondeurs) и носили на шляпах шнурки наподобие пращей… Появились булочные печенья, перчатки, платки, опахала, шарфы a La Fronde. Как не сказать при этом, что французы – единственный народ в мире, умеющий мешать дело с бездельем, искусно сочетая шутку с вопросом государственным и делая из предмета своего обожания чуть не детскую игрушку!

После бунта Париж опротивел королеве. Под предлогом очищения Пале-Руайяля после кори, которой хворали дофин и его брат, королева со всем семейством выехала в Рюэйль, поручив председательство в государственном совете герцогу Орлеанскому. Опасаясь его властолюбия, она вызвала из действующей армии ему в товарищи принца Конде. В то же время желая вознаградить себя за уступку, сделанную народу, Анна приговорила к ссылке маркиза де Шатонефа и к аресту – Шавиньи: первого за участие будто бы в недавних смутах, а второго за его связь со многими членами парламента. Истинной причиной опалы того и другого было нерасположение к ним кардинала. Принц Конде прибыл в Париж 20 сентября, в то самое время, когда парламент ходатайствовал об освобождении Шавиньи и Шатонефа. Президент Бланмениль предлагал применить к Ма-зарини указ 1617 года, обнародованный вскоре после убиения маршала д'Анкра. В указе этом значилось, что всякому иноземцу воспрещается состоять на государственной службе по части высшей администрации. В отплату за это предложение королева отвечала указом от 4 октября, повелевавшим через 24 часа отдавать под суд каждого арестованного чиновника, как гражданского, так и военного ведомства. Думая этим связать руки парламенту, Анна Австрийская ограничивала собственный свой произвол. Желая оградить своего милейшего Мазарини от

дальнейших нападок, королева (как гласит предание) сочеталась с ним тайным браком. После этого временщик стал обходиться с Анной еще непочтительнее прежнего и нередко отвечал посланным на приглашение пожаловать к королеве: – Ну что ей там нужно!

О тайном браке Анны и Мазарини до времени знала только ее старая горничная госпожа Бовэ. Эта особа не замедлила воспользоваться доверием королевы, или, лучше сказать, – злоупотребить этим доверием, разыгрывая роль любимицы и вымогая у Анны щедроты и милости. Вот подлинные слова Данжо: «…знатнейшие господа одно время заискивали ее расположения; несмотря на свою старость, безобразие и кривой глаз, она являлась при дворе в блестящих нарядах и пользовалась почетом…» Эта самая госпожа Бовэ была первой любовью юного Людовика XIV; она преподавала ему азбуку той великой науки, которую Овидий изложил в своей знаменитой поэме «Ars amandi». Эта кривая безобразная старуха соблазнила отрока-дофина своими блеклыми прелестями. Хороши были наставники у Людовика XIV, хорош был век, хороша была нравственность французского двора того времени! Почти на глазах у матери, сорокалетней Мессалины, соблазняли ребенка, растлевая его, а она докучала своими нежностями и обезьяньим сластолюбием своему Мазарини! Удивляться ли после этого нравственности Людовика XIV?

Одновременно с бракосочетанием итальянского проходимца и королевы французской на первого сыпались бесчисленные памфлеты и пасквили; кроме тех и других, парижане не скупились на песенки, на которые Мазарини отвечал с ехидной улыбкой:

– Пусть поют – поплатятся! (ILs chantent – iLs payeront!)

Самым ядовитым из всех памфлетов был один, озаглавленный: «Прошение трех сословий губернаторства Иль-де-Франс в парижский парламент». Правда, высказанная на страницах этого памфлета, не могла не колоть глаза могучему временщику. Вот что, между прочим, о нем говорилось:

«Он происхождения низкого, уроженец Сицилии, бывший подданный испанского короля; в Риме был лакеем; принимал участие в гнуснейших распутствах; вышел в люди благодаря плутням, интригам и шутовству. Во Франции он начал свою службу шпионом, потом, благодаря влиянию своему на королеву, в течение шести лет стоял во главе правительства к соблазну королевского дома и для посмешища иностранных государств. По его милости подверглись опале, были изгнаны и заточены принцы крови, знатнейшие чиновники, члены парламента, вельможи и

вернейшие слуги короля. Он окружил себя изменниками, казнокрадами, нечестивцами и безбожниками; присвоил должность наставника королевского, чтобы образовывать короля на модный лад; развратил двор, введя при нем карточные азартные игры; ниспроверг правосудие, ограбил казну, за три года вперед собрал подати и растратил их. Пересажал в тюрьмы до двадцати трех тысяч человек, из которых в один год умерло пять тысяч. Пожрав до ста двадцати миллионов, он не выдавал жалованья военным, пенсий старым служакам, провианта крепостным гарнизонам… Эти громадные суммы он разделил со своими друзьями, отправил большую часть денег в заграничные банки в виде векселей и драгоценностей».

Несмотря на все старания Мазарини, автор памфлета отыскан не был; за все поплатился типографщик, приговоренный судом Шатлэ к вечному изгнанию из пределов Франции. Теряя с каждым днем народную любовь, королева решилась образовать собственную партию и для начала сблизилась с герцогом Орлеанским. Принц Конде со своей стороны предложил ей для умиротворения столицы переехать с королем в Сен-Жермен, воспретив подвоз жизненных припасов в Париж. Знаменитый победитель испанцев и австрийцев смотрел на соотечественников своих как на неприятеля. В ночь с 5 на 6 января 1649 года королева с обоими сыновьями бежала из Рюэйля в Сен-Жермен, откуда молодой Людовик XIV письменно уведомил градского главу, что к бегству его побудили злоумышления на его жизнь членов парламента. Седьмого числа того же месяца парламенту было передано высочайшее повеление о переселении его, парламента, в Монтаржи; в то же время королева запретила жителям окрестных деревень доставлять в Париж хлеб, вино, мясо и дичину… Правительница обходилась со своей столицей, как учитель со школьником, которого наказывает, оставляя его без обеда. Депутация, отправленная от парламента в Сен-Жермен, не была принята Анной Австрийской, и тогда в ответ на письмо короля парламент обнародовал следующий указ:

«Королевский парламент, в заседании своем 6 января сего 1649 года, постановил: кардинала Мазарини, виновника государственных бедствий и настоящих смут, объявить нарушителем общественного спокойствия, врагом короля и королевства от сего же дня и в течение восьми дней удалиться ему, кардиналу, из пределов Франции, с применением к нему, по прошествии этого срока, закона об изгнанниках. Всем и каждому воспрещается давать приют кардиналу. Сверх того, парламент сим повелевает собрать соответствующее число вооруженных граждан для содержания караулов в городе, а ровно и для

охранения обозов с жизненными припасами, следующих в столицу из соседних деревень. Указ сей обнародован посредством чтения и выставления его печатного на всех углах и перекрестках».

Королева и ее челядинцы отвечали на этот указ презрительным смехом, вскоре чуть не перешедшим в слезы. Герцог д'Эльбеф и принц Конде отбыли из Сен-Жермена в Париж; герцог Буйон объявил, что он принимает сторону парламента; герцогиня де Лонгвилль в градской ратуше торжественно заявила, что за права народные постоят ее супруг – герцог и принц де Марсильяк – ее любовник. Таким образом, совершенно неожиданно народная партия усилилась шестью сильными приверженцами, и сметливая королева принуждена была призадуматься. Несколько времени она и кардинал тешились мыслью приманить на свою сторону коадьютора Ретца-Гонди, но герой дня баррикад не был прост и не только не поддался на ловушку, но с содействием герцогини де Лонгвилль располагал вовлечь в народную партию и принца Конти, оставшегося при дворе в Сен-Жермене. Принц Конти прибыл в Париж и, явясь в парламент, предложил свои услуги для принятия главного начальства над гражданами в случае вооруженного их столкновения с королевскими войсками. Это предложение было, однако же, отклонено, так как герцог д'Эльбеф предъявил свои права и преимущества. На герцога коадьютор не возлагал особенных надежд, однако же, видя, что народ сочувствует ему более, нежели принцу, особенно не настаивал на назначении последнего главнокомандующим. К счастью для фрондеров, в самый день выбора д'Эльбефа герцогиня де Лонгвилль перехватила копию с записки, писанной герцогом д'Эльбефом к аббату де ла Ривьеру, креатуре Орлеанского. В записке этой было следующее:

«Скажите королеве и герцогу Орлеанскому, что бес коадьютор орудует здесь всем и что через два дня я лишусь моей власти. Скажите им, что, если они намерены дать мне выиграть мою партию, я им докажу, что приехал в Париж не с теми дурными умыслами, как они думают». Итак, главнокомандующий инсургентов, ничего не видя, уже вошел в переписку с противной партией… Радуясь этому открытию, коадьютор в тысяче копий пустил письмо по рукам парижан; письмо читали, смеялись над герцогом, не скупились даже на эпиграммы и шуточные песенки. Между тем по распоряжению кардинала королевские войска приближались к Парижу и уже заняли Шарантон. На другой день, 11 января, принц Конти снова явился в парламент, предлагая свои услуги; за ним герцог де Лонгвилль, губернатор Нормандии,

предложил Парижу содействие Руана, Кана и Диэппа. Это предложение было принято с восторгом. Герцог Буйон, маршал де ла Мотт Гуданкур объявили, что они готовы отстаивать Париж, но не иначе как под начальством принца Конти, а не герцога д'Эльбефа. Покуда в парламенте совещались об отрешении последнего от звания главнокомандующего, супруги герцогов Лонгвилль и Буйон, разъезжая по улицам со своими детьми, кричали народу, что его охранению герцоги вверяют то, что для них дороже всего на свете, т. е. своих жен и детей. Коадьютор, чтобы пуще разжечь народный энтузиазм, кидал в толпу пригоршни золота… Горожане ревели, что они готовы головы положить за Лонгвилля и Буйона. «Кого тут обманывать?» – сказал бы Фигаро Бомарше, глядя на эту комедию. Кто за кого стоял? Мятежи Фронды были вызваны деспотизмом Мазарини; сторону народа приняли герцоги и принцы крови с супругами, и этот же самый народ кричал им, что он готов умереть за них. Сбрасывая с себя одно ярмо, народ покорно протягивал шею под другое.

Если бы жители Парижа времен Фронды взглянули на своих любимцев «с холодным вниманьем рассудка», они поняли бы, что Ретц, Конти, Лонгвилль, Буйон и Бофор держат сторону народа не из любви к нему, а из ненависти к королеве и кардиналу; что этими самыми защитниками народных прав руководит своекорыстие, мелочное самолюбьишко; что они, эти защитники, и друг на дружку посматривают с затаенной мыслью столкнуть другого, чтобы встать на его место. Но как бы то ни было, а в истории Франции мятежи Фронды имеют то великое значение, что они сблизили под своим знаменем народ и аристократию, две касты, до того времени враждебные одна другой; после того они уже не сблизились более. Во время революции 1789 года аристократы, перешедшие на сторону народа, все до единого погибли на гильотине; французский народ не доверял этим отщепенцам от своего родимого сословия.

Благодаря происками коадьютора принц Конти был избран в главнокомандующие с титлом генералиссимуса; д'Эльбеф, Буйон и де ла Мотт Гуданкур оставлены при нем в качестве маршалов. Д'Эльбеф без труда овладел Бастилией, сданной ему комендантом дю Трамбле; в это же время Нуармутье, де ла Булэ и Лэг вытеснили мазаринистов из Шарантона. Вечером герцогини Буйон и Лонгвилль отпраздновали победы балом в градской ратуши. Дня через два в стенах Парижа явился беглец из Венсенского замка герцог де Бофор, встреченный народом восторженно. С криками «Да здравствует Бофор!» за ним бежали тысячи мужчин и женщин, особенно рыночных торговок. Когда весть о торжестве Бофора дошла до Сен-Жермена, тамошние добровольные узники, т. е. кардинал, королева со своими сыновьями и придворные, дали Бофору прозвище рыночного короля (roi des HaLLes). Этому импровизированному королю было, однако же, несравненно лучше, нежели настоящему. Бофор поместился во дворце, пользуясь всеми угодьями, тогда как в Сен-Жермене, благодаря скупости и нераспорядительности Мазарини, королевское семейство помещалось в пустых немеблированных покоях, а придворные дамы и фрейлины спали на соломе и даже на голом полу.

Число знатных приверженцев Фронды возросло до двадцати человек.[6] Благодаря мерам, принятым парламентом, жители Парижа были в состоянии выдержать серьезную борьбу с мазаринистами и даже более или менее долговременную осаду. Против восьми тысяч конных и пеших королевских войск город выставил до шестидесяти тысяч ополчения, занявших Шаранто, Ланьи, Корбейль, Пуасси и Понтуаз. В продовольствии недостатка не было; в деньгах – тоже. Движимое и недвижимое имущество Мазарини в исполнение парламентского указа было конфисковано. До сорока тысяч ливров было выдано в пособие Генриэтте, королеве английской, помещавшейся в Лувре и в течение шести месяцев терпевшей крайнюю нужду… Ей на отопление занимаемых ею покоев не отпускали даже дров, так что бывали дни, в которые супруга Карла I вместе со своей малолетней дочерью не вставала с постели, кутаясь в одеяло.

Королева, объявив, что герцог Лонгвилль отрешается от должности губернатора Нормандии, поручила д'Аркуру, младшему брату герцога д'Эльбефа, отправиться в Руан и объявить монаршую волю тамошнему парламенту. Город не впустил его в свои стены, и он со стыдом возвратился в Сен-Жермен. В окрестностях Парижа происходили ежедневные стычки между горожанами и войсками, с переменным успехом. В одной из них близ Бенсенна был смертельно ранен и взят в плен

Танкред де Роган. 10 февраля произошла правильная битва у Шарантона; Бофор одержал победу над маршалом Граммоном. Через два дня комендант заставы Сент-Оноре уведомил парламент, что от королевских войск шествует в столицу герольд с двумя трубачами для переговоров. Парламент его не принял под тем предлогом, что переговоры ведут равные с равными или враги с врагами, а Париж не равняет себя с королем и врагом его себя не считает. Действительно, фрондеры и мазаринисты сражались с одним и тем же кликом: «Да здравствует король!» На знаменах ополчения была вышита надпись: Мы ищем нашего короля. Кровь лилась единственно из-за Мазарини, и если бы этого пройдоху король приказал повесить, междоусобие прекратилось бы само собой. Одновременно парламент отправил депутацию в Сен-Жермен, а Мазарини прислал в Париж некоего Фламарена для тайных сношений с принцем Конти, с начальниками восстания: всем им за покорность обещали повышения и милости. Через три дня по отбытии парламентской депутации открылись конференции о мире в Рюэйле. Успеху их много способствовали вести о движении на помощь к Парижу герцога Лонгвилля 10000 войска и о переходе Тюренння на сторону парламента. 13 марта 1649 года был подписан мир между Парижем и королевским правительством на следующих условиях:

1) Военные действия с обеих сторон прекращаются; сообщение со столицей и торговое ее движение возобновляется по-прежнему.

2) Парламент призывается в Сен-Жермен на чрезвычайное заседание.

3) В течение года палаты не будут созываемы.

4) Указы июля и октября 1648 года будут приведены в исполнение (о налогах).

5) Указы парламента, обнародованные им по прибытии короля из столицы, теряют свою силу.

6) Указы короля, изданные в течение недавних событий, остаются во всей силе.

7) Народное ополчение распускается и 8) королевские войска очищают занимаемые ими местности около Парижа.

9) Все жители столицы сложат оружие.

10) Депутат эрцгерцога Австрийского будет отпущен без ответа.

11) Частное имущество, отнятое у владельцев, будет им возвращено; арсенал и Бастилия будут сданы королю.

12) Город в текущем и будущем году ссудит королю потребную ему сумму за 12 %.

13) Все предводители восстания остаются при прежних должностях, которые они занимали на королевской службе.

14) Король возвратится в столицу, лишь только ему дозволят государственные дела.

Принимая эти условия, парламент выторговал у правительства награды всем предводителям народного ополчения. Принцу Конти – доходы города Данвиллье; герцогу д'Эльбефу – уплату долгов его жены и 100 000 ливров старшему его сыну; герцогу Бофору – полное прощение, отцовскую пенсию и денежное вознаграждение за конфискованное его имущество; герцогу де Буйону – тоже; герцогу Лонгвиллю – губернаторство Пон-де-л'Арш; маршалу де ла Мотт Гуданкуру – 200000 ливров серебром… Эти награды мятежникам из королевской же казны в общем итоге составили несколько миллионов. Правительство согласилось на все, и 5 апреля заключение мира между королем и его подданными было отпраздновано торжественным молебствием в соборе Парижской Богоматери.

Подобно отзвучию далекого землетрясения, мятежи Фронды волновали Париж в то самое время, когда в Англии свирепствовала страшная революция, ниспровергнувшая трон Стюартов. 30 января 1649 года голова короля Карла I пала под секирой палача в Уайт-Холле…

Вскоре по заключении мира герцог Орлеанский возвратился в Люксембург; королева со своим семейством еще оставалась в Рюэйле. Мир нимало не улучшил положение дел. Бофор по-прежнему величался, рыночным королем; коадьютора народ любил по-прежнему; он не выговорил себе от правительства ни наград, ни повышений и тем выиграл в мнении народном. Герцогиня де Шеврез, возвратившаяся из Англии вместе с дочерью, сблизилась с фрондерами, поддерживая в них ненависть к Мазарини. Прекратилась война физическая, но моральная продолжалась по-прежнему: партии перестреливались памфлетами и пасквилями. Вместо переезда в Париж орлеанское семейство перебралось из Рюэйля в Компьен; Мазарини вместе с принцем

Конде отправился в Ла-Фер на смотр войск, отправляющихся во Фландрию. Наконец 18 августа 1649 года королева торжественно въехала в Париж. Мазарини истратил до ста тысяч ливров на подкупку крикунов, приветствовавших Анну Австрийскую восторженными «Виват!». Вечером в Пале-Руайяле королева принимала своих недавних врагов; разменивались любезностями, ласками, внутренне сознаваясь, что все это притворно и только маскирует непримиримую вражду. Интриги и козни не утихали. Следить за их ходом так же трудно, как трудно

очертить карандашом ткань хитросплетенной паутины… Скажем немногими словами, что королеве и кардиналу с помощью герцогини де Шеврез удалось привлечь на свою сторону коадьютора, вскоре пожалованного в кардиналы; задарить его друзей и арестовать Конде, Лонгвилля и Конти (18 января 1650 года), которых заточили в Венсенский замок; герцогиня де Лонгвилль с обоими сыновьями была удалена в Нормандию, откуда она перебралась в Голландию, где ей дал приют принц Оранский. Герцогиня Буйон вместе со своей дочерью была заключена в Бастилию… Так верна была своему слову Анна Австрийская, так честно соблюдала она статьи мирного договора с Фрондой! Город Бордо принял сторону семейства Конде и дал в своих стенах приют его матери, герцогам де Ларошфуко и де Буйон, в течение четырех месяцев выдержавших правильную осаду со стороны королевских войск. Тюреннь вошел в сношения с испанцами, готовясь вести их прямо на Париж; ему удалось проникнуть до Дамар-тена. Весь 1650 год прошел в междоусобиях, интригах, крамолах, истощавших казну и разорявших народ. Положение дел внутренней политики Франции было самое плачевное; не было мужественной руки, которая, взяв кормило правления, дала бы крутой поворот к лучшему делам государства, которое благодаря гению Ришелье доведено до высокой степени могущества и благодаря бездарности Мазарини в шесть лет было низведено на степень какой-нибудь Оттоманской империи. Об освобождении принцев, отправленных из Венсена в Гавр, ходатайствовал безуспешно парижский парламент. Кардинал Рета настойчиво требовал от королевы: во-первых, освобождения узников, во-вторых, удаления Мазарини; в последнем его поддерживал герцог Орлеанский. На первое королева соглашалась, но с

Мазарини – было выше ее сил; за своего возлюбленного она готова была отдать корону и все королевство ввергнуть в пропасть бедствий и междоусобий. «Это ли не любовь?» – скажет читатель. Нет, возразим мы со своей стороны, это не любовь, а старческое упрямство и обезьянья чувственность. Любовь облагораживает человека; она делает его вообще добрее, мягкосерднее; такого благотворного влияния любовь не оказывала на сердце Анны Австрийской. В январе 1651 года новый бунт угрожал власти королевской, но на этот раз он мог разыграться страшнее, нежели год тому назад. Госпожа де Шеврез предложила королеве поспешить освобождением гаврских пленников, отправив вестником этого освобождения самого кардинала. Интриганка рассчитывала, что за эту милость озлобленный народ примирится с Мазарини… 6 февраля он тайно выехал из Парижа,

а на следующий день королева со своим семейством стала собираться в путь следом за своим кумиром. Уведомленные вовремя, кардинал Ретц и герцог Орлеанский решили запереть все городские ворота и волей-неволей удержать королевское семейство в Париже. Весть о предполагаемом бегстве взволновала весь город; народ ворвался в Пале-Руайяль, требуя, чтобы ему показали короля и его брата герцога Анжуйского… Это было ночью; король спал, но для устранения мятежа принуждены были его разбудить и показать народу, приветствовавшему его восторженными криками. 16 февраля освобожденные Конде, Конти и Лонгвилль прибыли в Париж. Мазарини, после тщетного ожидания королевы в Гавре, пробрался за границу и остановился в Брюле, городке электорства Кельнского. Парламент счел долгом поднести королеве благодарственный адрес за удаление первого министра, вместе с предложением удалить от участия в государственном совете всех и каждого, присягнувших какому-нибудь иностранному государю… Анна тотчас же применила этот закон и к кардиналу Ретцу как присягавшему его святейшеству папе римскому. Коадьютор удалился на покой в монастырь Богоматери; это уединение не препятствовало ему, однако, пристально следить за ходом придворных интриг и извещать герцогиню де Шеврез, с дочерью которой он был в весьма близких отношениях.

Удаление Мазарини из Франции и отстранение Ретца от правительства не только не водворили спокойствия в королевстве вообще, в Париже в особенности, но пуще прежнего усилили неурядицу. Коноводы фрондеров, все эти праздношатающиеся принцы крови, герцоги, герцогини, маркизы и виконтессы, играли благосостоянием народа и королевской властью, эти господа и госпожи тешились и забавлялись, не обращая внимания на то, что из-за их потехи бедствует народ и проливается кровь. Если б иноземец, прибывший тогда во Францию, всмотрелся пристально в ее государственный строй, он не мог бы себе составить точного понятия об образе правления в этом королевстве: республика эта была, монархия или просто анархия? Только ленивый не брался за управление государством, или, лучше сказать – не играл скипетром и короной. Был ли во Франции законный король? Был: его величество Людовик XIV, но величеству этому еще не исполнилось тринадцати лет, и потому королевством управляла Анна Австрийская… Правительством, в свою очередь, управлял и руководил кардинал Мазарини, изгнанный из Франции по указу парламента. На этот парламент имели могучее влияние и герцог Орлеанский, и Конде, и Конти, и Буйон, и Лонгвилль – имя же им легион, и все они метили в короли точно так же, как их жены и

любовницы – в королевы. Все они кричали о своей любви к народу; народ, в свою очередь, кричал «Виват!» в чаянии от которого-нибудь из них великих и богатых милостей… Такова была позорная эпоха Фронды, во время которой Франция напоминала пьяного, которого непослушные ноги несут неведомо куда и который на каждом шагу рискует сломать себе шею. При покойном Ришелье подобное положение королевства было бы немыслимо; десятка два голов, может быть, пало бы на эшафоте, но зато тысячи других были бы спасены от напрасной смерти на баррикадах или под знаменами изменников вроде Конде или Тюренна. В течение тридцати лет (1621 – 1651 гг.) во Франции, по воле судеб, властвовали три кардинала: Ришелье, Мазарини и Ретц; назовите первого – орлом, второго – ястребом, третьего – вороном, и вы составите самое точное понятие о разнице между ними и о характеристике их правительств. Ретц принадлежал к разряду тех жалких людишек, которых природа, оделяя крошечными пигмейскими дарованиями, вознаграждает за них гигантским самолюбием: интриговать, мутить, крамольничать их насущная потребность; этим людям тошно и «моркотно», в какой бы сфере они ни общались, потому что сфера их – мятеж и безначалие. Все беснования коадьютора Ретца-Гонди во время Фронды имели целью получение кардинальской шапки и должности первого министра: он достиг того и другого в сентябре 1651 года. Занялся ли он делом и посвятил ли свои миниатюрные дарованьица на пользу отечества? Ничуть не бывало: он всю свою жизнь продолжал интриговать, каверзничать, попал в Венсенский замок, бежал за границу, скитался из одного государства в другое и наконец угомонился навеки 24 августа 1679 года. Его назначение в первые министры, на место изгнанного Мазарини, было внушено Анне Австрийской, и лучшего способа отомстить своему врагу Мазарини, конечно, не мог и придумать: он знал очень хорошо, что Ретц, во-первых, на этом месте долго не удержится; во-вторых, навлечет на себя ненависть и аристократии, и народа; в-третьих, тем ниже падет, чем выше заберется. Самым лучшим доказательством криводушия кардинала Ретца может служить позорный договор, заключенный им с королевой, Мазарини, канцлером де Шатонефом и герцогиней де Шеврез (неизбежной принадлежностью всякой интриги). Вот подлинная статья этого контракта, заключенного этими госпожами и господами:

1) Коадьютор, для сохранения народного к нему доверия, может говорить в парламенте и где ему вздумается против кардинала Мазарини до той поры, покуда не улучит благоприятной минуты к объявлению себя его приверженцем.

2) Канцлер де Шатонеф и герцогиня де Шеврез наружно будут высказывать недоброжелательство коадьютору, чтобы свободнее вести переговоры с кардиналом, явно пользоваться милостями королевы и хорошим общественным мнением.

3) Герцогиня, коадьютор и канцлер употребят все усилия, чтобы разладить друг с другом герцога Орлеанского и принца Конде.

4) В награду за все эти услуги коадьютор будет пожалован в кардиналы и первые министры…

По остальным статьям Ретц отдавал себя в покорнейшие слуги кардиналу Мазарини и, может быть, единственный раз за всю свою жизнь поступил справедливо: роль слуги или лакея была ему приличнее, нежели роль господина. Вышеупомянутый контракт был заключен накануне дня объявления короля Людовика XIV совершеннолетним, т. е. тринадцатилетним… Это событие предвещало в ближайшем будущем важные перемены, конечно, к лучшему, так как в худшем положении дела правительственные быть не могли. Приверженцы порядка, люди благоразумные и миролюбивые, надеялись, что король избавит Францию от беспокойных принцев, герцогов, герцогинь и им подобных, отменит многие указы регентства, убавит налоги, простит недоимки… Разочарование было тем печальнее, чем утешительнее были надежды!

Утомленные зрелищами недавних междоусобных битв в стенах города, горожане с особенным удовольствием любовались пышным церемониальным шествием короля из Пале-Руайяля в парламент. Восхищались статностью и красотой Людовика XIV, его умением управлять… покуда еще только своим конем, на котором он прекрасно держался. Церемония прошла обычным порядком: говорили речи члены парламента, король, королева; потом Людовику XIV присягали: его брат герцог Анжуйский, принцы крови, герцоги, пэры; один только принц Конде блистал своим отсутствием. Он выехал из Парижа накануне с целью вторгнуться во Францию с испанскими войсками. Мазарини на собственный счет снарядил отряд в 8000 человек и, вверив их предводительство маршалам д'Омону и Гокенкуру, двинулся с ними на границу для охранения ее от вторжения Конде. Эта услуга правительству со стороны изгнанника была тем великодушнее, что незадолго перед тем парламент конфисковал его имущество, решил продать с молотка его библиотеку и выдал указ о вознаграждении в 150000 ливров тому, кто захватит Мазарини живого или мертвого. И на этот раз парижане, верные своему характеру, обратили дело серьезное в шутку, благодаря которой голова Мазарини была спасена. Какой-то весельчак

рядом с парламентским указом поместил на всех перекрестках объявление, на котором голова кардинала была оценена по мелочам таким образом: «за уши – столько-то, за нос – столько-то» и т. д. Народ смеялся, и потому-то в среде его не нашлось охотника получить цену крови, обещанную парламентом: француз никогда не будет повиноваться тому, кто ему смешон, это отличительнейшая черта французского народного характера. Вмешательство Мазарини в распрю с Испанией и его противодействие изменнику Конде дали ему право возвратиться в пределы Франции, и 30 января 1652 года он прибыл в Пуатье, где его встретил король и оказал ему самое милостивое внимание. Весть о возвращении изгнанника была причиной новых волнений Фронды и неудовольствия между королем и парламентом. Последнему Людовик XIV предложил выехать в Пунтуаз. Удалился опять за границу и Мазарини, но, согласно данной им инструкции, король действовал решительнее и принял против мятежников энергические меры. Герцог Орлеанский со своей дочерью и многие фрондеры обоего пола были сосланы, и к концу 1652 года от Фронды не осталось и следов. Парламент смирился не только перед королем, но и перед Мазарини, возвратившимся в Париж 3 февраля 1653 года и занявшим прежнее свое место во главе правительства. На этот раз кардинал Мазарини явился уже не тем малодушным временщиком, каким он был десять лет тому назад, нет! Теперь Мазарини был твердой опорой власти королевской и верным служителем интересам Франции. Мирный договор с Англией, брачный союз короля с инфантою испанской Марией-Терезией (9 июня 1660 года), Пиренейский мир в особенности – все эти подвиги Мазарини на дипломатическом поприще, конечно, не будут забыты историей Франции. Имел ли кардинал Мазарини виды на папский престол? Это вопрос нерешенный, хотя и ничего мудреного не было кардиналу, обладателю капитала в 200 миллионов франков, домогаться тиары римского первосвященника. Руки одной из племянниц – Марии Манчини – искал сын Карла I, короля английского; другая его племянница, как увидим, едва не попала в королевы Франции… Одним словом, последнее десятилетие царствования Мазарини было апогеем его мугущества и более или менее громкой славы. Тяжело и неприятно было Людовику XIV терпеть над собой другого властителя королевства; он в этом случае был похож на шахматного игрока, только сидящего за столом, в то время когда другой искуснейший игрок передвигает его фигуры… При всем том Людовик не мог не сознавать, что на дипломатической шахматной доске Мазарини действительно игрок неподражаемый!

Последний год его жизни заслуживает подробного описания, на которое, надеемся, благосклонный читатель не посетует.

Мазарини уже давно страдал сложной хронической болезнью, которая особенно ожесточилась в январе 1661 года и принудила его слечь в постель. Людовик XIV навещал его ежедневно, и в самой спальне больного в назначенные дни происходили заседания государственного совета; здесь же Мазарини принимал министров с докладами и иностранных посланников. Присутствием тех и других он не стеснялся: не только принимал при них лекарство, но даже не высылал их из комнаты, когда оно на него действовало… Вообще во время предсмертной своей болезни Мазарини обходился с окружавшими его с нецеремонностью, доходившей до цинизма. Анна Австрийская навещала его очень часто, когда одна, когда и с фрейлинами; но больной, видимо, тяготился ее визитами и заботливыми расспросами о состоянии его здоровья. В одно из подобных посещений, рассказывая ей о ходе болезни и жалуясь на возрастающую худобу тела, кардинал, сбросив с себя одеяло, показал королеве и бывшим с ней фрейлинам свои иссохшие ноги, покрытые синими и багровыми пятнами. Из всех своих докторов он особенно доверял доктору Генару, любя его не столько за его искусство, сколько за искренность. Мазарини особенно сблизился с ним после разговора, в котором Генар, не обольщая больного напрасными надеждами, откровенно сказал ему, что долее двух месяцев ему не прожить.

– Этого за глаза достаточно, чтобы устроить мои домашние и государственные дела, – сказал больной. – Но успею ли я покончить мои расчеты с совестью?

Болезнь, как оно вообще бывает со смертными недугами, шла с остановками, давая больному некоторый отдых, на день или на два. Чувствуя облегчение, Мазарини вставал с постели и приказывал катать себя в креслах по великолепным чертогам своего дворца. С выражением глубокой тоски он смотрел на полки книг своей библиотеки, состоявшей из тридцати пяти тысяч томов, собранных Габриэлем Ноде, любовался картинной галереей, драгоценными мраморными, бронзовыми статуями и вазами.

– И оставить все эти сокровища! – шептал Мазарини со вздохом.

Вообще в течение последнего месяца жизни кардинал в расположении духа обнаруживал странную смесь малодушия с покорностью воле Божией. О смерти в иные дни он говорил спокойно, почти весело, в другие дни – с ужасом, почти с отчаянием. К составлению духовной он долго не решался

приступить, хотя и сверил по книгам все счеты своего громадного имущества, движимого и недвижимого. При этом помощником кардинала был молодой его конторщик, скромный, застенчивый, но вместе с тем способный и ума обширнейшего…

Этот молодой человек был знаменитый впоследствии Кольбер… Мазарини умирая поручал его вниманию короля Людовика XIV и сказал при этом почти ту же самую фразу, которую сказал о нем сорок лет тому назад кардинал Бентиволио, рекомендуя его кардиналу Барберино:

– Предлагая вам принять на службу Кольбера, надеюсь оплатить этой рекомендацией за все ваши милости, мне оказанные!

Состояние кардинала простиралось, как мы говорили, до двухсот миллионов франков, нажитых всеми правдами и неправдами. Независимо от доходов с нескольких аббатств, Мазарини обращал в свою пользу часть государственных доходов; продавал за деньги чины и места; под чужими именами занимался подрядами в казну. Переехав из города в Венсен, умирающий послал за отцом Жоли, священником церкви св. Николая-на-Полях (St. Nicolas-des-Champs), чтобы вместе с ним заняться составлением духовной. На исповеди священник спросил кардинала: не укоряет ли его совесть за неблагоприобретенные богатства?

– Ими я обязан щедротам его величества.

– Щедроты его величества сами по себе, но и своя рука – владыка. Много ли вы брали сами?

– Отец мой, зачем вы полагаете подобное различие?

– Затем, что монаршими даяниями вы можете распорядиться как вам угодно; собственные же приобретения обязаны возвратить королю: «Кесарево кесарю!»

– Ах, – произнес Мазарини, – в таком случае мне придется отдать королю все мое состояние!

Предложение патера поддержал и Кольбер. Духовная была составлена именно в этом смысле – четвертую часть громадного своего состояния Мазарини завещал родственникам, остальные три – королю… Нельзя умолчать о двух миллионах, ассигнованных на построение коллегии, названной впоследствии именем покойного. Независимо от завещания духовного, кардинал оставил королю письменные наставления, диктованные умирающим своему приближенному ле Теллье. Некоторые историки утверждают, что вместо всяких письменных наставлений Мазарини сказал королю накануне своей смерти:

– Государь, упраздните навсегда должность первого министра и, если желаете, чтобы другие уважали вас, всего прежде

уважайте сами себя!

9 марта 1661 года кардинал Мазарини испустил последний вздох, и с его смертью окончилось во Франции итальянское владычество, тяготевшее над ней со времени Екатерины Медичи. Много ли оно принесло королевству добра и зла, этот вопрос должна решить история… Здесь не можем не сделать любопытной заметки. Несмотря на географическое свое положение, Италия не только триста лет тому назад, но и в ближайшем прошедшем имела – и в будущем, конечно, будет иметь – громадное влияние на государственный строй Франции. Важные роли играли в истории этого королевства Екатерина и Мария Медичи, Кончини, Леонора Галигаи, Мазарини; но эти имена тускнут, теряют свой блеск при роковом для Франции имени Бонапарте. Таинственная связь Франции с Италией еще не порвана окончательно с падением Наполеона III, и кто поручится, что в будущем появление наполеонидов во Франции не принесет в эту страну опять страшных бедствий, междоусобий и внешних войн?

Само собой разумеется, что смерть Мазарини, подобно смерти Ришелье, обрадовала большинство и вдохновила памфлетистов, строчивших живому кардиналу чуть не хвалебные гимны. Из множества сатир, эпиграмм, пасквилей и шутливых эпитафий мы не нашли ни одного стихотворения, мало-мальски проникнутое солью или хоть желчью: все они грязны или пошлы до крайней степени… Песни Фронды (которых написано было до девятисот) были гораздо злее и остроумнее. Искренно оплакивала своего друга только Анна Австрийская, со времени его кончины сделавшаяся еще брюзгливее прежнего и впавшая окончательно в ярое ханжество. Она душевно желала преобразовать двор молодого короля на монастырский лад, конечно безуспешно, причем дело не обходилось без неприятных столкновений старческого ханжества с юношеским эпикуреизмом. Анна Австрийская облачилась в темное саржевое платье, заменила драгоценные туалетные украшения четками и целые дни проводила в своей молельне; журила придворных дам и девиц за их легкомыслие, проповедуя им правила нравственности, которым сама в молодости никогда не следовала. Песенка ее была отпета, и доживала королева свой век, сетуя на развращение нравов молодого поколения. Интриги Людовика XIV с Манчи-ни, ла Вальер, Монтеспан громовыми ударами поражали нравственную Анну Австрийскую; она не скупилась на наставления, а король в свою очередь щедрился на колкости и непрозрачные намеки на минувшее своей родительницы (о чем мы поговорим подробнее при обзоре царствования Людовика XIV).

В 1664 году у Анны Австрийской обнаружились признаки ужаснейшей болезни – рака груди, которым она страдала два года и от которого скончалась 25 января 1666 года. Ее лечил шарлатан Жандрон какими-то секретными снадобьями, только усилившими страдания больной. К мучениям телесным присоединились и нравственные, вследствие всеобщего равнодушия к страдалице, не только не скрываемого, но даже явно выказываемого. Так, ее камергер Беринген (бывший камер-лакей), милостям ее обязанный своей знатностью и всем состоянием, сказал ей при одном из своих посещений:

– Конечно, государыня, всем нам жаль терять вас, но мы утешаемся мыслью, что смерть избавит вас от страданий и вместе с ними от ужасной вони, которая отделяется от вашей раны… Вы всегда любили ароматы и нежные духи!

Но чего было ждать от лакея, когда родной сын королевы, Людовик XIV, по-прежнему сам отличался в балетах и интермедиях? Этот король-рыцарь за два дня до кончины матери спорил с братом в комнате, соседней с ее спальней, о том, кому из них должны достаться ее жемчуга и некоторые из драгоценностей… Тяжко было умирать Анне Австрийской при подобной обстановке! Самое погребение ее отличалось простотой, чуть не бедностью, резко противоречившей роскоши двора, самому званию покойной; даже надгробная речь Боссюэта отзывалась общими местами и принадлежит к числу неудачнейших произведений знаменитого витии.

Анна Австрийская, старшая дочь испанского короля Филиппа II, наследовала от отца его непомерное властолюбие и склонность к деспотизму, которую она обнаруживала и во время регентства, и в первые годы воцарения Людовика XIV. «Усыпляйте народ обещаниями, – говорила она сыну, – а там, пользуясь его сном, смело накладывайте на него оковы!» Воспитанная при дворе тирана и самодура, который на все человечество смотрел как на стадо, созданное для ярма и бича, Анна не могла не усвоить этого взгляда на своих подданных и во все продолжение своей жизни не сделала ничего в пользу французского народа, к которому не питала иных чувств, кроме антипатии, доходившей до омерзения. Ни нужды, ни страдания народные не обращали на себя внимания королевы, которая, однако же, сама Любила комфорт и безумную роскошь. В молодости она, кроме красоты, славилась нежностью комплекции и впечатлительностью кожи до того сильно, что прикосновение к ее телу обыкновенной полотняной ткани производили в ней сильное нервное раздражение. Иного белья, кроме батистового, она не носила. Однажды Мазарини, подшучивая над ней, сказал:

– Если вы попадете в ад, то вместо всяких мучений там будет достаточно стлать вам постель с парусинными простынями.

Она до страсти любила ароматы и цветы, кроме розы, которую не могла видеть на картинах без того, чтобы не упасть в обморок (физиологическая причуда, называемая идиосинкразией). Эта же самая женщина с бесстрастием мраморной статуи смотрела во время восстания Фронды на слезы жен и матерей, умолявших ее о сложении тягостных налогов и жаловавшихся на дороговизну хлеба. Как примирить с подобным жестокосердием вышеупомянутую нежность нервной системы у Анны Австрийской? Примирить трудно, бесспорно; однако же нельзя не сказать, что подобные противоречивые явления в характере женском далеко не так редкостны. В недавно прошедшее время можно было встретить и у нас милейших и нежных дам и девиц, проливавших слезы над сентиментальными романами, любовавшихся луной, наслаждавшихся пением соловья и в то же время чуть не на смерть засекавших своих служанок, иногда и своеручно… Жены и дочери американских плантаторов, тоже нежные, деликатные, скуки ради бичевали своих негритянок, в простоте души не считая их даже за женщин. Но и это не оправдание: женщина, находящая удовольствие в мучениях животных, сама не заслуживает имени женщины! Такова была и Анна Австрийская.

Из героев и героинь Фронды ни один и ни одна не заслуживают подробного биографического очерка. Эти мимолетные любимцы народа, подобно шутихам фейерверка, блеснули, нагремели и исчезли так же быстро, как появились, и слава их рассеялась дымом. Одни кончили дни в изгнании, другие, обратясь на путь истинный, загладили службой королю и Франции свои минувшие ошибки. Бурное, революционное движение Фронды выдвинуло на первый план женщин, делавших из любви главную пружину своих политических махинаций. Чтобы привлечь на свою сторону приверженца противоположного лагеря, почти каждая принцесса и герцогиня кружила голову, обольщала кокетством и, подобно Омфале, заставляла этого Геркулеса падать к своим ногам. Герцогиня Монбазон, Шеврез и де Лонгвилль особенно прославились этим искусством уловлять мазаринистов в свои сети. Не находя никакой разницы между этими тремя грациями, спекулировавшими своими блеклыми прелестями, и какими-нибудь трущобными нимфами, заманивающими прохожих в свои вертепы, мы не имеем желания пятнать страницы нашего труда их биографиями.

Вторая половина семнадцатого и первые пятнадцать лет

восемнадцатого столетия называются во французской истории веком Людовика XIV. Обзору любовных приключений этого короля мы считаем нелишним предпослать небольшой очерк того состояния французского общества, в котором его застал Людовик XIV при своем воцарении. Говоря сравнительно, во многом оно изменилось к лучшему против недавно прошедшей кровавой эпохи царствования Карла IX, Генриха III и Генриха IV. Вот что говорит в своей любопытной книге «Век Людовика XIV» покойный Дюма.[7]

Дух этой эпохи и характер французского общества могут быть олицетворены пятью женщинами противоположных сословий, нравственности и воспитания. Им первым Франция обязана началом могущественного женского влияния на общество. До сих пор влияние это было чисто физическое. Диана де Пуатье, герцогиня д'Этамп, Габриэль д'Эстре обязаны были своим владычеством наружной красоте; женщины XVII века влияли на общество иной силой, силой ума, и женщинами этими были: Марион де Лорм – куртизанка, Нинона (Аннета) Ланк-ло – женщина свободного поведения (femme galante), госпожа де Шуази – дама светская, девица Скюдери – писательница и госпожа Рамбуллье – знатная дама.

Марион де Лорм, о которой мы уже упоминали при обзоре царствования Ришелье, в эпоху Фронды была в полном блеске красоты, несмотря на свои тридцать пять лет. Она родилась в Шалоне-на-Марне в 1616 году; отец ее, человек достаточный, назначал за ней в приданое до 25000 ефимков, но Марион была увлечена своим призванием. Первым счастливым ее обожателем был сын Дебарро, интенданта финансов при Генрихе IV; с ним она бежала из родительского дома. Дебарро был сменен неким Рувиллем, зятем графа Бюсси-Рабютен; за Рувиллем следовал гвардейский капитан Миоссан; затем Сен-Марс (которого она предала кардиналу Ришелье); потом – Арно; потом – герцог Шатийон; потом – Бриссак. Эти семь возлюбленных были действительно любимы куртизанкой не единственно ради интереса. За деньги же она продавала свои ласки кардиналу Ришелье (верно сказать, она служила при нем в качестве шпионки), суперинтенданту д'Эмери и президенту де Шеври. Д'Эмери, сын лионского банкира, богача Партичелли, был, по словам кардинала Ретца, «одним из бессовестнейших людей своего времени»;[8] он говорил во всеуслышание, что «честное слово создано только для торгашей». Отец его, Партичелли, приобрел огромное состояние вследствие злостного банкротства; сын, наследуя его миллионы, переменил фамилию и назвался д'Эмери. Ришелье, покровительствуя ему, вошел к Людовику XIII с

докладом о принятии д'Эмери на службу интендантом финансов.

Фамилия незнакомая, но во всяком случае дайте место интенданта лучше ему, нежели этому мошеннику Партичелли.

– Партичелли повешен! – спокойно отвечал Ришелье.

– И прекрасно! Утверждаю д'Эмери в должности интенданта.

Так и служил мнимый висельник Партичелли под псевдонимом д'Эмери. Посланный в Лангдок, он отнял у Монморанси его пенсию в 100 000 ливров, и эта обида была одной из главных причин его мятежа. Д'Эмери не давал постоянного содержания Марион де Лорм, но он пускал ее деньги в прибыльные обороты.

Карл Дюре сеньор де Шеври, племянник лейб-медика Карла IX, Генриха III и Марии Медичи, славился при дворе как весельчак, ловкий танцор и немножко оригинал. У него была следующая поговорка: «Если человек обманет меня один раз – накажи его Бог; два раза – накажи Бог его и меня; но если он меня обманет три раза, тогда пусть Бог накажет меня одного». Другой любимой поговоркой или присловьем президента Шев-ри была фраза: «Ешь, мой волк, ешь, моя собака» (mange mon loup, mange mon chien), – которую он вставлял в разговор ни к селу ни к городу. Зная за собой эту странность, он старался воздерживаться от прибаутки при разговоре с важными лицами, но однажды, говоря с кардиналом Ришелье, не утерпел и выговорил: «Ешь, мой волк…»

– Ваша эминенция, – воскликнул он, остановясь, – простите великодушно; волк сорвался у меня с языка!

– Ну, что же, – засмеялся кардинал, – спускайте заодно и собаку. Если она хорошей породы, то угонит волка и он более не попадет вам на язык!

Марион де Лорм президента называла своим папашей (petit pere), т. е. именно тем именем, каким содержанки величают своих содержателей.

Несмотря на свой образ жизни, Марион де Лорм умела держать себя в обществе с таким достоинством и тактом, что внушала к себе какое-то уважение со стороны людей знатных и гордых. Ее гостиная была местом сходбища придворной молодежи, беседовавшей с непринужденной веселостью, никогда не преступавшей пределов строгого приличия. Одаренная способностью ценить все изящное, Марион де Лорм, принимая у себя гостей, в обхождении с ними и в своих манерах являла им прекрасный образец грациозной вежливости и умения говорить и держаться…

Одно худо: эта сирена была шпионкой кардинала Ришелье, и неосторожное слово, произнесенное у нее в гостиной, немедленно

доводилось до сведения его эминенции. Беззаботная, как все вообще куртизанки, Марион сорила деньгами на прихоти, но и не скупилась на добрые дела. Губя одних своими доносами, она благотворила других, ходатайствуя за виноватых, помогая бедным и выводя в люди тех, которые обращались к ней с просьбой об оказании им протекции. Некоторые биографы выдумали о Марион де Лорм, будто она жила сто тридцать пять лет, до 1751 года, но это чистейшая выдумка: тридцать девять лет прожила Марион и скончалась в 1655 году вследствие принятого ею лекарства для изгнания плода. Это неумышленное самоубийство не помешало ей на смертном одре принести чистосердечное покаяние в грехах, или, лучше сказать, в одном грехе, которым и для которого она жила на белом свете.

Нинона Ланкло (femme galante) – личность замечательная. Это дочь своего времени, жрица Венеры, любительница «искусства для исскусства»; Дон-Жуан в образе женщины, меняющей своих обожателей как перчатки и тщетно отыскивающей в их толпе человека, заслуживающего привязанности постоянной. По правде сказать, пограничная черта, отделяющая уличную камелию, куртизанку и женщину свободного поведения (как иначе перевести слово femme galante?) едва ли может быть определена с должной точностью иным способом, кроме денежной оценки… или сравним этих женщин одну с другой таким образом: первая – разносчик, вторая – магазинщик, третья – биржевой негоциант… Медный грош, серебряная монета, червонец – общее же имя им – деньги; та же классификация может быть применена и к женщинам, расточающим свои ласки сегодня – одному, завтра – другому, послезавтра – третьему.

Нинона Ланкло, которую называют Аспазией или Лаисой века Людовика XIV, родилась в Париже в 1606 году и принадлежала к хорошей дворянской фамилии из Турени. Красавица собой, умная, грациозная, она получила превосходное образование, развившее в особенности ее аристократические дарования: она прекрасно пела, играла на лютне, писала стихи, танцевала как олицетворенная грация. Самый именитый вельможа не задумался бы предложить ей руку и сердце, но Нинона уж в девятнадцать лет следовала правилу: выбирая мужа, слушайся рассудка; выбирая любовника, советуйся с сердцем. Обязанности, налагаемые на женщину супружеством, казались красавице несоответствующими ее характеру – непостоянному, независимому; составить счастье одного человека казалось ей недостаточно, самое же главное – она сама не полагала счастия в супружестве и избрала иной путь, хотя и усыпанный розами в

своем начале, но часто грязный и тернистый в конце. К счастью, грязи и трений Нинона избежала на своем поприще. Гаспар Колиньи, герцог Шатийон, сын адмирала, был ее первым обожателем, которого любила сама Нинона искренно и бескорыстно. Влияние ее на герцога было до того сильно, что из любви к ней, убежденный ее доводами, он перешел из кальвинизма в католичество. Несмотря на это, он первый, пресытясь ласками своей возлюбленной, охладел к ней; она, в свою очередь, не осталась перед ним в долгу и, судя по герцогу о человечестве вообще, решила, что постоянной любви нет и не может быть на свете, что чувство, называемое любовью, не что иное, как мимолетная прихоть. Затрудняясь только выбором нового обожателя, она сблизилась с Марион де Лорм, от которой позаимствовала многое, в особенности же усвоила нравственные или, пожалуй, безнравственные ее убеждения. Гостиная Нинoны в Париже была центром, в который стекались первейшие умники и даро-витейшие писатели того времени: Дебарро, Буаробер, Скаррон, Шапелль, Сент-Эвремон; Буало читывал здесь свои сатиры, Мольер – комедии. Дом Марион де Лорм походил немножко на танцкласс, в котором, как мы говорили, молодые вельможи обучались изящным манерам, порядочности и вообще приобретали лоск светскости, которого не могло дать им посредственное их воспитание. Гости Марион де Лорм сходились затем, чтобы поговорить более или менее остро и послушать неизменно милую и веселую хозяйку… Иную картину представляла гостиная Ни-ноны Ланкло. Здесь авторы читали свои произведения, отдавая их до издания в свет на предварительный суд умной и образованной Нинoны; замечаниями ее не пренебрегали, похвалами дорожили, собеседничеством наслаждались. Платоническая дружба с литераторами не препятствовала Нинoне в то же время расточать свою неплатоническую любовь знатным поклонникам вроде аббата д'Эффиа, маршала д'Этре; впоследствии число их умножили Конде, маркиз Вилларсо, де ла Татр, Севинье и… многие, очень многие другие. Знатные дамы, не скрывая своего негодования на Нинону, не столько из ревности к ней своих супругов, сколько из зависти ее уму и красоте, просили Анну Австрийскую принудить ее идти в монастырь. Посланный от имени королевы приказал ей выбрать какую-нибудь обитель и ехать туда через двадцать четыре часа.

– Выбираю мужской монастырь миноритов и через полчаса еду! – отвечала Нинона.

Однако же в угоду нравственной королеве она на время удалилась в поместье маркиза де Вилларсо.

Поэт Скаррон, разбитый параличом, женился на Франциске д'Обинье, сосватанной ему графиней де Нейлльан. Бедный калека представил Франциску Нинону, они подружились, и дружба эта не разрушилась даже тогда, когда вдова Скаррона была маркизой Ментенон, любовницей, а впоследствии и супругой Людовика XIV. Ум и образованность Нинону не мешали ей быть ветреной и непостоянной в ее сердечных связях, но вместе с тем эта женщина умела быть другом, и в этом случае ее честность и бескорыстие были выше всякой похвалы. Гурвилль, приверженец принца Конде, перед бегством своим за границу отдал на сохранение десять тысяч ефимков Нинону Ланкло и десять же тысяч одному патеру, своему другу. По возвращении в Париж после Пиренейского мира Гурвилль навестил своих друзей и во первых посетил патера. После обычных приветствий возвратившийся изгнанник завел разговор об отданных патеру на сохранение десяти тысячах ефимков; тот выслушал друга с крайним удивлением.

– Какие десять тысяч? – спросил он.

– Которые я вам отдал на сохранение…

– Вы? Мне? Когда?

– Перед моим бегством. Неужели вы забыли?

– Помнить или забыть можно то, что было; я же от вас никогда никаких денег на сохранение не принимал.

Гурвилль онемел от удивления и негодования; пользуясь этим, честный патер выпроводил его за дверь. Ограбленный одним другом, от которого подобной низости он всего менее ожидал, Гурвилль отправился к Нинону в полной уверенности, что и она промотала его деньги. Да и чего иного мог ожидать Гурвилль от куртизанки, если, пользуясь безнаказанностью, патер не постыдился присвоить половину приятельского имущества?

Нинона встретила своего бывшего обожателя с непритворной радостью и родственным радушием. Обласкав его, она с грустной улыбкой объявила ему, что очень перед ним виновата.

«Истратила мои деньги!» – подумал Гурвилль.

– Отсутствие твое было продолжительно, – сказала Нино-на, – быть верной отсутствующему, по мнению моему, глупо и чересчур сентиментально. После тебя у меня было два обожателя, а теперь есть третий, и он покуда мне нравится. Останемся друзьями, хочешь?

– Ваша воля, Нинона!

– Не подумай, чтобы я так же не сберегла твоих денег, как и моего сердца. Вот твои десять тысяч – целы и невредимы!

И она подала Гурвиллю мешок с его ефимками.

Годы уходили, не только не оказывая на Нинону своего

разрушительного влияния, но еще как будто придавая ей новую прелесть. В пятьдесят лет она была так же свежа и хороша собой, как была и в двадцать пять. Ее дом в улице Турнелль, как мы уже говорили, был собранием поэтов и артистов того времени. Прибавим к этому, что Нинону Мольер был обязан идеей написать своего Тартюфа; аббат Шолье, знаменитый идиллик, дорожил ее приязнью; ла Рошфуко читал ей свои афоризмы… Славный Фон-тенелль представил своего друга, голландского астронома Гюйгенса, и флегматический сын Батавии, очарованный французской Венерой, на время позабыл Венеру небесную, а с ней и все прочие планеты. Госпожи Севинье, де ла Саблиер, де ла Ферте, де ла Файэт гордились ее дружбой; знатнейшие дамы и девицы перенимали у Нинины ее умение держать себя, разумеется, не усваивая ее очаровательной грации. Христина, королева шведская, в бытность свою во Франции в 1656 году до того была очарована Нинoной, что умоляла красавицу сопутствовать ей в Рим. Года за два до кончины Нинины маркиза Ментенон представила ее Людовику XIV, и король назвал ее феноменом. В девяносто лет она была еще красавица и очаровывала своей остроумной беседой. Скажем наконец, что Вольтер по выпуске из коллегии пользовался покровительством Нинины, помогавшей ему деньгами, поощрявшей первые его опыты на литературном поприще и завещавшей ему две тысячи франков на покупку библиотеки. Нинона скончалась ста лет от роду 17 октября 1707 года. Поэт Сен-Эвремон написал ей следующую правдивую эпитафию:

Как чудно щедрая, премудрая натура
Умела сочетать в душе твоей, Нинона,
Все сладострастие, всю нежность Эпикура
С высокой добродетелью Платона![9]

Разумный эпикуреизм красавицы, ее завидное умение жить шутя и невозмутимо много способствовали долголетию и сбережению ее организма. Сердце свое Нинона как будто омыла в водах Стикса, и оно было неуязвимо; она жила сердцем и умом, но не душой: люди, живущие душой, воспринимающие ею всецело жизненные радости и невзгоды, не бывают долговечны. На шестьдесят первом году жизни Нинона испытала первое и единственное горе в своей жизни и перенесла его с мужеством, явно доказывающим, что «щедрая и премудрая природа» отказала Нинине в чувстве, составляющем святыню женского сердца, в чувстве материнском. Сын Нинины от маршала д'Этре, называвшийся кавалером де Виллье, вырос, не зная тайны своего рождения. Когда ему исполнилось двадцать лет, его воспитатель, маркиз де Жарсе, представил его Нинине. Она, не открываясь

сыну, поместила его у себя в доме и занялась его окончательным образованием. Случилось то, что неминуемо должно было случиться: воспитанник влюбился в свою наставницу и открылся ей в любви. Нинона, надеясь образумить юношу, сказала ему, кто он… Новый Эдип, хотя еще и неприступный, подобно древнему, выбежав из комнаты в парк, проколол себе сердце шпагой! Два года оплакивала его Нинона, потом успокоилась и прожила еще сорок лет, не изменив образа жизни. По ее мнению, безрассудно скорбящему убивать себя, если сама скорбь его не убивает. Вот несколько афоризмов Нинины, дающих понятие об уме и сердце этой необыкновенной женщины.

– Любовь – самая рискованная торговля, оттого-то в ней такие частые банкротства.

– Дитя предпочитает сказку истории; люди взрослые предпочитают любовь браку.

– Брак для любви то же, что дым для огня.

– Коварство не в неверности, но в лицемерных ласках неверного. Неверность простить можно, коварство – никогда!

– Начало привязанности там, где конец любви; конец там, где начало неверности.

– Любовь – забава, не обязующая ни к чему; дружба – чувство святое.

– Мудрость заключается не в том, чтобы преодолевать наши страсти, но чтобы направлять их к нашему благополучию.

– Несчастья друзей должны скреплять узы нашего к ним расположения.

– Лучше быть обманутым своим другом, нежели оскорблять его своей недоверчивостью.

Госпожа де Шуази – образец женщины светской, была супругой канцлера герцога Орлеанского. Ее салоны славились, будучи сборными пунктами знати первой половины XVII столетия. Вежливость и обходительность хозяйки, ее умение занять гостей, приискать общеинтересную тему для разговора снискали ей при дворе эпитет самой вежливой дамы во всей Франции. Она сама говорила малолетнему Людовику XIV:

– Если вы желаете быть великим королем, беседуйте чаще с кардиналом Мазарини; если же хотите быть вежливым человеком, тогда чаще беседуйте со мною.

Впоследствии, когда королю говорили об изяществе его манер и вежливости, он постоянно отвечал: «Нет ничего удивительного, я ученик госпожи де Шуази!»

Однако же два-три анекдота об этой учительнице вежливости не совсем говорят в ее пользу. Так, например, гостю, который ей не нравился, она прямо говорила: «Когда я привыкну к вам, тогда

попрошу посещать меня». Если в ее салонах набиралось много гостей, она объявляла во всеуслышание: «Нас здесь ужасно много и слишком шумно… не угодно ли кому уступить свое место другому?» Граф Руаси на другой день раута, бывшего у госпожи де Шуази, заехал к ней.

– Граф, – сказала она, выглянув из окна, – вчера мы виделись, и этого для меня весьма достаточно!

Все эти фразы едва ли могут быть названы вежливыми и деликатными. Как бы то ни было, госпожа де Шуази пользовалась репутацией примерной светской дамы до самой своей кончины. С ней были в постоянной переписке королева польская Мария Гонзаго, герцогиня Савойская и Христина, королева шведская.

Девица Скюдери (родилась в 1607 году) в свое время приобрела громкую известность как первая писательница, проложившая тропу целому легиону последовательниц. С детства обнаружилась в ней страсть к чтению романов, в чем ей не было ни малейшего препятствия со стороны родных. Вдохновленная этим чтением, она под руководством своего брата Георга сделала попытку написать роман собственного сочинения и, поощренная успехом, вскоре сделалась писательницей по профессии, ради куска насущного хлеба. Романы «Великий Кир» и «Клелия», в которых она под вымышленными именами вывела придворных дам и господ, обратили на нее особенное внимание всей знати, выразившееся щедрыми подарками и пенсиями. Это дало возможность мадемуазель де Скюдери существовать безбедно и продолжать заниматься литературой. Гостиная ее была открыта по субботам, и сюда сходилась пишущая братия читать свои произведения и толковать об изящном. Сочиненная девицей Скюдери карта фантастического Царства нежности (Carte de rayaume de Tendre) во множестве тысяч экземпляров разошлась по всей Франции.

Некрасивая собой, состарившаяся в безбрачии, мадемуазель де Скюдери вознаграждала себя за отсутствие семьи частым произведением на свет своих детищ фантазии, и в этом случае ее плодовитость была изумительна. Ныне ее романы и повести совершенно забыты, но во второй половине XVII столетия читались нарасхват. Хотя Франция со времен Элоизы была не бедна писательницами, тем не менее пример девицы Скюдери нашел множество подражательниц, и век Людовика XIV был особенно богат авторами прекрасного пола. Перечислим собственно писательниц по части изящной словесности: графиня де Сюз (1618–1673) писала элегии и нежные эротические стихотворения, имевшие многочисленных читателей и почитателей; госпожа де Севинье (род. 5 февраля 1626 г., ум. 20

апреля 1696 г.) заняла и доныне занимает почетное место во французской литературе за свои неподражаемые Письма; девица де ла Винь (ум. в 1684) писала оды; графиня де ла Файэт (1633–1693) – романы; госпожа Дезульер (1633–1696) – идиллии; госпожа де Вильдье (1640–1683) – романы, трагедии и комедии; госпожа Ламбер (1647–1733) – повести и рассказы из мифологии. Из писательниц, которых произведения доныне составляют драгоценный материал для истории Франции, не можем не назвать госпожу де Моттвилль (1615–1689), герцогиню Немурскую Марию де Лонгвилль (1625–1679), герцогиню Орлеанскую мадемуазель де Монпасье (1627–1693), маркизу де Виллар, маркизу Ментенон (1635–1719), оставивших потомству мемуары и письма. Век Людовика XIV достопамятен проявлением во французской женщине деятельности умственной, немало способствовавшей к перемене общественного на нее взгляда, до того времени обращенного на нее с восточной точки зрения – цинической, грубо чувственной.

Маркиза Рамбуллье дочь Жана Вивонна, маркиза Пиза-ни, и Юлии Савелли соединяла в себе ум, любезность, приятность обхождения итальянки и француженки. Отказав себе в удовольствии посещать двор, маркиза в 1617 году построила свой собственный дворец, в котором не замедлили появиться и свои придворные. Отель Рамбуллье по наружной своей красоте, внутреннему убранству, а самое главное – по собиравшемуся в его стенах обществу мог смело соперничать с дворцом королевским. Хозяйка – умная, образованная – была кумиром своих гостей; дети ее, особенно дочери, были полубожествами миниатюрного Олимпа отеля Рамбуллье. К сожалению, утонченная вежливость, возведенная в какой-то культ на этом Олимпе, дошла до границ нелепости, а последователи этого культа превратились в фанатиков, величавшихся жеман-никами и жеманницами (precieux et precieuses). Эти сектанты вежливости, возведенной в догмат, взяли себе за правило в разговоре и в сочинениях не называть своими именами тех вещей, собственное название которых (по их мнению) может оскорбить ухо благовоспитанного человека… Дошли до того, что даже собственные имена заменили фантастическими: Альцест, Валер, Зарфея, Маналинда и т. д. Таким образом, члены этой академии вежливости и деликатности говорили своим особенным языком, для человека постороннего загадочным, подобно египетским иероглифам. Эта причуда не могла ускользнуть от наблюдательного взора Мольера, и в 1659 году он написал своих «Смешных жеманниц» (Precieuses rudicules), в которых все действующие лица были списаны с натуры, ровно как и вычурный

язык, которым они говорили.

Антоний Годо, епископ Грасса, девица Поле и поэт Вуатюр были корифеями отеля Рамбуллье. Звание Годо не было помехой его веселости и не набрасывало на окружающих даже тени принужденности или стеснения. Девица Поле славилась красотой, любезностью и легионами поклонников. Что же касается до Вуатюра, ему доступ в отель Рамбуллье открыли его талант и известность; происхождения он был незнатного – сын ди-жонского виноторговца. Знакомства с Вуатюром не чуждались, впрочем, и знатнейшие вельможи, с которыми поэт держал себя гордо, с чувством собственного достоинства. Карты и женщины были его преобладающими страстями; в кругу друзей Вуатюр отличался неподдельной веселостью, остроумием, умением шутить и дурачиться. Однажды, гуляя с сыном маркизы Рамбуллье и адвокатом Арно, он вызвался угадывать по наружности прохожих их звание. Мимо приятелей проехал в карете пожилой господин в черном кафтане и зеленых шелковых чулках.

– Это непременно советник уголовной палаты! – решил Вуатюр.

– Неправда! – отвечали товарищи.

– Правда! – настаивал поэт. – И пари держу, что это так.

– Догони и спроси!

Вуатюр опрометью бросился за каретой; догнал, крикнул кучеру, и карета остановилась.

– Милостивый государь, – сказал поэт, подходя к дверце. – Будьте столь добры и решите мой спор с приятелями: я говорю, что вы советник уголовной палаты, а они бьются об заклад, что нет. Кто из нас прав?

Пожилой господин, взглянув в глаза Вуатюру, отвечал невозмутимо:

– Бейтесь постоянно об заклад, что вы дурак, и всегда будете в проигрыше!

Вуатюр, почесывая за ухом, возвратился к друзьям.

– Ну что, угадал? – спросили они.

– Я-то не угадал, кто он, – отвечал Вуатюр, смеясь, – но он угадал, кто я!

Ходила молва, будто Вуатюр тайно женат. Граф де Гиш, встретив его как-то в отеле Рамбуллье, спросил: правда ли это? Вуатюр, пропустив, по-видимому, вопрос мимо ушей, не ответил ни слова; де Гиш не настаивал. Ровно через неделю часу во втором ночи камердинер графа, разбудив его, доложил, что Вуатюр желает видеть его по какому-то важному делу.

– Проси, проси! – сказал граф, вскакивая с постели.

– Граф, – сказал вошедший Вуатюр, – неделю тому назад вы спрашивали меня, женат ли я?

– Что же?

– Не желая долее оставлять вас в неведении, я пришел сказать вам, что я женат.

– И для этого вы меня разбудили? Это и есть ваше важное дело?

– Да, граф, дело важное, семейное, которое, вероятно, интересует вас, если вы меня о нем спрашивали. Ради пустого любопытства никто о семейных делах не спрашивает.

Как-то поздно вечером адвокат Арно приехал в отель Рамбуллье с десятилетним семинаристом Босюэ – будущим знаменитым витией. Мальчик говорил проповеди на заданные тексты, и говорил действительно прекрасно. Беседа продлилась далеко за полночь.

– Что вы скажете? – спросил кто-то из гостей у Вуатюра.

– В жизни моей не слыхивал, чтобы кто-нибудь проповедовал так рано и вместе с тем так поздно! – отвечал Вуатюр.

Отель Рамбуллье славился по всему Парижу по самый день смерти маркизы в 1665 году. Дочь ее, госпожа Монтозье, пыталась поддержать блеск ее гостиной, но он исчез вместе со своей хозяйкой.

Кроме упомянутых нами пяти общественных сфер, средоточиями которых были женщины, огромное влияние на нравы имел театр, деятели и деятельницы на артистическом поприще. Французский театр облагорожением своим обязан был кардиналу Ришелье; до его времени ни одна порядочная женщина не посещала театр. Представления давались в двух отелях: Бургонском и Марэ. Костюмы брались напрокат с толкучего рынка; репутация актеров и актрис была самая жалкая; звание последних было синонимом звания проститутки… Духовенство, отказывая тем и другим в христианском погребении, было почти право. Гюг Герю, прозванный Готье-Гаргилем из труппы Марэ, был первым актером, имевшим репутацию человека порядочного; за ним следовали Генрих Легран (Бельвилль в высокой комедии и Тюрлюпен в фарсе) и Робер Герои (Гро-Гилльом). Представляли они большей частью итальянские площадные фарсы, играли в масках и разговоры свои импровизировали, пересыпая их грубой, невымытой солью. В таком виде застал театр кардинал Ришелье и решил его преобразовать. Сотрудником кардинала в этом деле был талантливый Пьер ла Мессье (Белльроз) и актрисы Бопре и ла Вилльэт. Первая играла в трагедиях Корнеля; вторая славилась более красотой, нежели талантом. Аббат д'Армантьер был от нее без памяти, и когда она умерла, он купил у могильщика ее

голову, поручил доктору выделать из нее череп и до конца своей жизни берег его у себя на письменном столе. Эта любовь аббата к актрисе могла бы послужить богатой темой для романа.

По мере очищения театра от итальянской мишуры и балаганщины на его подмостках начали появляться актеры и актрисы из порядочных классов общества. Таковым был Мондори, сын овернского судьи, из любви к театру бросивший службу и собравший собственную труппу, состоявшую первоначально из Ленуаров, мужа и жены. Граф Блан, ухаживавший за женой, нарочно для нее заказывал пьесы сочинителю Мэре…

В 1653 году возникла труппа сестер Бежар, антрепренером которой был бессмертный Мольер.

Авторами для сцены были в эту эпоху Георг Скюдери, Буаробер, Демерэ, ла Кальпрандр, Мэре, Тристан л'Эрмит, дю Риэ, Пиже де ла Сер Коллете, Бойэ, де Бертерон, Ротру и Корнейль или, как его принято называть, Корнель. Эти имена, за исключением трех (Скаррон, Ротру, Корнель), ныне забыты, хотя произведения упомянутых авторов имели значительное влияние на упрочение самобытности французского театра; их стараниями изгнанные со сцены Кассандры, арлекины, коломбины, пьеро и полишинели были заменены героями древности в трагедиях и более или менее верно скопированными с натуры живыми личностями в комедиях. Гениальный Ришелье понимал, что театр, насущная потребность французского народа, может и должен иметь хорошее влияние на общественную нравственность… На деле оказалось противное.

Вновь возникшее сословие актеров и актрис образовало особую корпорацию, вместо уважения снискавшую со стороны общества самое незавидное мнение. Знатная молодежь полюбила театр и посещала его не ради любви к самому искусству, но к его жрицам. Волочиться за актрисой почиталось особенным удальством, шиком, признаком хорошего тона; взять ее на содержание – чуть не подвигом. На подмостках театра актриса изображала героиню добродетели, за кулисами же вне театра была развратницей. Актеры не отставали от актрис и без зазрения совести продавали свои ласки дряхлым графиням и полуразрушенным виконтессам. Театр, лицевой стороной исправлявший нравы, растлевал их своей изнанкой. Вследствие этого у людей нравственных во Франции XVIII века сложился тот предубежденный взгляд на артистов, который от одного поколения к другому перешел из Франции во все страны Европы и сохраняется во многих из них даже в наше время. Читателю не должно казаться странным, если мы в историческом очерке временщиков и фавориток касаемся общественной

характеристики и заводим речь о театре, по-видимому, не имеющем ничего общего с предметом нашего сочинения. Нет, одно с другим в тесной связи, и мы не должны упускать из виду тех явлений общественного быта, которые более или менее влияли на общественную нравственность. Театр – школа нравов; но ребенок, обучаясь в школе уму-разуму от учителей, в ней же научается от товарищей многому, что ему не следовало бы и вовсе знать. Французское общество XVII и XVIII столетий испорченностью нравов во многом было обязано театру, бывшему для него древом познания добра и зла.

В первые годы воцарения Людовика XIV французская аристократия группировалась на четыре двора, из которых каждый образовывал особую сферу; центром ее была одна из четырех королев: Анна Австрийская, супруга Людовика XIV инфанта Ма-рия-Терезия, герцогиня Орлеанская (Манате) и вдовствующая королева английская Генриэтта.

Двор Анны Австрийской был невелик и состоял большей частью из старых вельмож и пожилых дам, современников Ришелье. Эти господа и госпожи свято соблюдали обычаи старины, отличались строгостью правил и крайней набожностью, доходившей до ханжества. Сетуя на распущенность нравов молодого поколения, они надеялись явить ему образом своей жизни благой пример нравственности и благочестия, к сожалению, не имевший подражателей. Двор молодой королевы, составлявший противоположный полюс, отличался щегольством, пышностью и веселостью, не выходившей, однако, из пределов приличия; молодежь обоего пола славилась шалостями, любовными приключениями и безумным мотовством.

Герцогиня Орлеанская – герцогиня по титулу, но королева по окружавшей ее обстановке, – тоже имела собственный придворный штат, образовавший «царство в царстве» и отличавшийся легкостью поведения особ женского пола, его составляющих; герцогиня была Цирцеей или Армидой, с помощью своих фрейлин способной завлечь в свои сети любого Улисса или Танкреда. Молодой король Людовик XIV еще до женитьбы своей любил посещать собрания герцогини Орлеанской, на которых мог ухаживать за ее приближенными, шутить и заигрывать с ними без боязни навлечь на себя со стороны хозяйки строгий выговор… Четвертым светилом, полупомеркшим, тусклым, была, наконец, Генриэтта Английская – королева-изгнанница, королева-нищая, пользовавшаяся щедротами Анны Австрийской и Людовика XIV, питавшаяся крохами, падавшими с их стола. И около Генриэтты сгруппировалась горстка преданных ей друзей, деливших с ней горе и страдания. На попечении Генриэтты росла ее дочь,

красавица, остановившая на себе впоследствии страстные помыслы сластолюбивого Людовика XIV.

При Людовике XIII, в числе многих преобразований в придворном штате, дружина королевских телохранителей, состоявшая до того времени из иноземных наемников, была заменена правильно организованной ротой мушкетеров. В нее поступали младшие сыновья знатнейших дворян; капитанами были графы и герцоги. Эта дружина – облагороженная опричнина – вскоре по учреждении своем прославилась буйством и всякого рода распутствами; после смерти Ришелье – частыми дуэлями, картежной игрой и скандальными приключениями. Придворные дамы и девицы особенно благоволили мушкетерам, а ежедневные встречи с ними во дворце давали возможность затевать интриги чуть не на глазах короля и королевы. Удальцы мушкетеры хвалились своими любовными подвигами не менее того, как чванились подвигами ратными; подражая древним рыцарям, носили цветы своих возлюбленных, украшая свои шляпы и мундиры бантиками и кокардами, полученными из рук прелестных. Эта сентиментальность маскировала чувственность грубейшую, циническую. Таким образом, мушкетеры соединяли в себе типы отъявленных волокит, пьяниц, бретеров и вместе с тем сыщиков, так как им преимущественно поручалось арестовывать знатных преступников и отвозить их в Бастилию, в Пиньероль и Венсен-ский замок.

Не можем не умолчать еще о двух нововведениях при дворе, имевших огромное влияние на общественную нравственность. Первое – азартные карточные игры, введенные в моду кардиналом Мазарини и встреченные придворными господами и госпожами с живейшим сочувствием. Ландскнехт вытеснил прежние кости, давая играющему возможность более затейливым способом очищать карманы своих партнеров. Вторым нововведением было вошедшее в моду употребление шоколада, из подражания испанским вельможам, прибывшим во Францию с невестой молодого Людовика XIV, инфантою Марией-Терези-ей. Шоколад, приправленный ванилью, как известно, напиток сильно возбуждающий. Одряхлевшие вельможи обрели в нем источник живой воды; молодые нашли в шоколаде драгоценное свойство усиливать чувственность и сладостно волновать кровь… Утонченный разврат обратился к содействию токсикологии: она указала на некоторые примеси к шоколаду, действующие на организм лучше всякой ванили, и тогда испанский напиток изгнали из употребления старинные приворотные зелья и любовные эликсиры. Разврат и роскошь французского двора становились позорищем всей Европы, но вместе с тем и

примером. Людовик XIV и его Версаль вскружили головы не только государям держав первостепенных, но даже мелким итальянским и германским князьям, герцогам, курфюрстам и ландграфам. Обладатель клочка земли в две-три десятины вменял себе в обязанности непременно обзавестись увеселительным замком: Ма-ретрэт, Мон-бижу, Мон-репо и т. д., с фонтанами, статуями, гротами, цветниками и прочими затеями, на которые версальский Юпитер потратил миллион. Басня о Лягушке и Воле, которую во Франции в назидание расточителям читал добряк Ла-фонтен, могла быть тогда применена и не к одним маркизам да виконтам.

Здесь нелишним считаем сказать несколько слов о Версале – театре любовных похождений Людовика XIV, обзору которых мы посвятим следующий биографический очерк.

В 1561 году Марциал де Ломени, секретарь финансов короля Карла IX, приобрел поместье Версаль и владел им недолго. Л'Этуаль говорит в своих записках,[10] что королева Катерина Медичи приказала удавить государственного секретаря де Ломени, владельца Версальского замка, в угодность графу Ретцу, который с 1573 года обладал имуществом своей жертвы и оставил его в наследство своему сыну, архиепископу Парижскому, продавшему Версаль (8 апреля 1632 года) его величеству королю Людовику XIII за 66000 ливров (49500 руб. сер. на наши деньги). Прикупив к Версалю еще участок земли у соседнего владельца, король приказал старый замок сломать и на его месте построить новый не для резиденции, а единственно для временных отдыхов во время охоты по окрестностям. Людовик XIV, которому местоположение Версаля весьма понравилось, задумал увеличить старый замок обширными пристройками, развести сады, посадить парки, осушить соседние болота и застроить пустынные окрестности. Сен-Симон говорит в своих статьях, что Версаль – место неблагодарное, унылое, без всякой красоты, без леса, без воды, без земли – так как, кроме болот да зыбучих песков, там нет ничего; наконец – без воздуха…

Но Людовику XIV было угодно, чтобы на месте этой пустыни по его велению явился рай земной; чтобы в Версале были леса, воды, земля, воздух, и все явилось будто по мановению волшебного жезла. К построению дворца приступили вскоре после смерти Мазарини, планы были начертаны двумя архитекторами – Лево и Мансаром; рисунки садов – Ленотром.

В феврале 1672 года король со всем двором переселился в замок, еще не вполне достроенный; дальнейшие украшения продолжались во все время пребывания Людовика XIV в его раю земном, а прожил король в Версале пятьдесят три года. Недешево

обошлась Франции эта игрушка; но мог ли утруждать себя какими-нибудь вздорными, мелочными расчетами король, говоривший: «Государство – я сам!» (L'etat c'est moi!) и уподоблявший себя солнцу, которое тем сильнее, чем далее шествует по небесному своду (vis oquivit aeundo)? Уподобление не совсем справедливое в отношении космографическом: солнце по небосклону не шествует и по мере кажущегося своего шествия к западу не приобретает силы, а, напротив, ослабевает. Но солнце само по себе, а Людовик XIV сам по себе решил, что он – солнце, и дело кончено, и весь двор с ним согласился. Если бы он вместо солнца назвался луной, тот же двор единогласно подтвердил бы его величеству, что он воистину луна, в сравнении с которой солнце – тускло горящий ночник.

Возвратимся к расходам по построению Версальского замка. По вычислениям архитектора Жансона оказывается, что покупка земли, постройки, прорытие реки Еры (Eure), водоподъемные машины Марли и Кланьи обошлись в 86668726 ливров 2 су. Построение часовни стоило 3260341 ливр 19 су. Итого: 89929068 ливров 1 су, равняющихся четыремстам миллионам франков (100000000 руб. сер.), к которым следует прибавить стоимость картин и статуй свыше нежели на шесть с половиной миллионов… Вольней говорит, что Версаль стоил четыре миллиарда шестьсот тысяч франков; Мирабо ограничивает цифру одним миллиардом двумястами миллионами. Впрочем, тот и другой присоединяют расходы на украшение Версаля при Людовиках XV и XVI.

Напоминаем читателю, что, создавая Версаль и бросая на его украшения четыреста миллионов, Людовик XIV не забывал и других резиденций: Сен-Клу, Фонтенбло, Компьеня и т. п. Золото при версальском солнце заменяло лучи дневного светила; но солнечный луч, падая на землю, дает ей жизнь и плодородие, а червонцы, которыми сыпал Людовик XIV, разоряли Францию, так как они были выжаты из несчастного народа, раздавленного непомерными налогами. Не водой, но потом и кровью должны были брызнуть версальские фонтаны в первый день их открытия! Этому дворцу, который можно назвать «гробом повапленным» монархии французской, суждено было играть какую-то роковую роль в судьбах ее народа.

В 1783 году в Версале подписан был мир между Англией и освобожденными от ее ига Северо-Американскими Штатами. Торжество свободы над деспотизмом предшествовало вспыхнувшей через шесть лет революции французской.

В 1789 году в Версале созваны были Людовиком XVI генеральные штаты (etats generaux): на этом собрании голос

Мирабо был первым раскатом того грома, под ударами которого рухнул трон королей французских.

После июльской революции 1830 года Людовик-Филипп превратил Версальский дворец в драгоценный музей, в котором сосредоточены были живописные и скульптурные изображения славнейших эпизодов истории французской и знаменитейших деятелей на поприщах военном и гражданском… Место, бывшее когда-то палладиумом гордости королей, превратилось в палладиум славы и гордости народной…

18 февраля (2 марта) текущего 1871 года в стенах того же самого Версальского дворца в присутствии безмолвных свидетелей минувшей славы Франции был подписан мир с Пруссией, которым окончилась семимесячная война, бывшая для Франции тысячу раз тягостнее войны Семилетней… По роковому предопределению, и в ту неудачную борьбу с Фридрихом Великим, сто десять лет тому назад, Франция была вовлечена вследствие интриг и происков маркизы Помпадур, любимой султанши версальского гарема Людовика XV.

notes

Примечания

1

Младший сын Людовика XIII и Анны Австрийской родился 21 сентября 1640 года.

2

Он слагал с себя звание члена государственного совета, чтобы быть первым министром. Обмен, как видит читатель, очень выгодный.

З

Должность помощника при архиепископе, соответствующая званию викария в нашем духовенстве. Во Франции коадьютор заведовал преимущественно раздачей милостыни и пособий неимущим.

4

П р а щ а (la fronde) – ремень, к концу которого привязывают камешек и, сильно вертя, спускают с ремня. Точно так же дети забавляются метанием яблок или картофеля с конца хлястика. Эти игры в Париже были строго запрещены школьникам.

5

«Ветер Фронды подул сегодня утром; мне думается, что он воет против Мазарини…» Будь это сказано прозою, никто не обратил бы внимания на шуточку парламентского советника.

6

Конти, Лонгвилль, Эльбеф, Буйон, Шеврез, де ла Мотт Гуданкур, Бриссак, де Люинь, Витри, Марсильяк, Нуармутье, де ла Булэ, Фиэск, де Мор, Лэг, Мата, Фоссез, Монтрезор, Алигр и Танкред де Роган, побочный сын Катерины Роганде Портенэ и ее любовника де Кандаля. Все эти фрондеры были большей частью герцоги, графы, маркизы и принадлежали к знатнейшим фамилиям.

«Siecle de Louis XIV». Brusselles, 1844, in 18, tome IV, p. 87 et seq.

8

Делая эту оценку, кардинал Ретц не вспомнил о самом себе.

9

L’indulgente et sage Nature A forme liame de Ninon De la volupte d’Epicure Et de la vertu de Platon!

10

L’Estoile: Memoires, tome I, p. 26.